

A movie poster featuring a man with long hair and a dark jacket (Dey Leska) in the background, holding a wooden frame with strings. In the foreground, a young woman with short dark hair and a dark jacket looks directly at the camera with a serious expression. The background is dark and moody.

Дэй Лекса

ПРАВО
НА
ВСЕДОЗВОЛЕННОСТЬ

18+

Дэй Лекса

Право на вседозволенность

«Автор»

2026

Лекса Д.

Право на вседозволенность / Д. Лекса — «Автор», 2026

Ей четырнадцать. Она добрая, впечатлительная и верит в людей. Король приказал сделать из неё инкатора. Инкатор — это не должность. Это приговор. Это право пытаться, ломать и убивать именем короны. Это единственная работа, с которой не увольняются — её заканчивают только вместе с жизнью. Её наставник — Эдмунд Карминский по прозвищу Жнец. Холодный, циничный садист, для которого чужая боль — всего лишь инструмент. Его метод прост: уничтожить всё, что ей дорого. Дружбу — растоптать. Привязанность — высмеять. Сострадание — выжечь каленым железом. Слабости инкатору не положены. Юлиана не знает, почему выбор пал именно на неё. Не догадывается, что её жизнь — единственное, что держит на этом свете наследного принца. И что после смерти короля именно от неё зависит, построят ли они новый мир — или сгниют в старом. Теперь вопрос не только в том, останется ли она человеком. Вопрос — выживет ли она вообще.

Содержание

ПРОЛОГ	5
Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	31
Глава 7	34
Глава 8	39
Глава 9	43
Глава 10	46
Глава 11	49
Глава 12	52
Глава 13	57
Глава 14	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Право на вседозволенность

ПРОЛОГ

Империи не рушатся в один день. Их разъедает собственная гордыня.

Король Оберон стоял у высокого окна, за которым темнели башни столицы, и пытался вспомнить точку отсчета. Момент, когда величайшая держава людей перестала быть непоколебимой.

Это случилось, когда его отец присвоил себе то, что должно было принадлежать всему человечеству?

Или позже — когда он сам решил, что имеет право играть в Бога? Исправить несовершенное. Создать идеальное.

Род Астаротов веками правил большей частью континента. Их имя произносили с благоговением и страхом. Их решения меняли ход истории.

А теперь от этого величия оставались лишь обломки — утраченное богатство, мятежные территории, союзники, ждущие удобного момента для предательства.

Империя еще стояла. Но трон уже шатался. И даже не это было самым страшным. Теперь род Астаротов терял саму надежду на свое продолжение.

Оберон закрыл глаза.

Сын, его любимый сын — плод страшной генетической аномалии.

Жизнь наследника зависела от одного-единственного человека. От того, кто даже не подозревал, какой властью обладает. От того, кто при желании мог бы уничтожить династию одним своим отказом.

Его нужно держать. Любой ценой удерживать. Но как привязать человека, чтобы он сам не понял, что стал цепью? Лишь дав иллюзию выбора.

Любовь. Чувство долга. Семья. Это самые прочные оковы.

Сделать его своим. Дать титул, богатство, влияние. Возвысить — чтобы он чувствовал благодарность. Наделить властью — чтобы он защищал наследника не по приказу, а по убеждению.

Не ради собственного счастья — ради жизни сына. Ради продолжения рода Астаротов.

Империи не рушатся в один день. Но иногда достаточно одного человека, чтобы их спасти. Или окончательно уничтожить.

Оберон открыл глаза.

Решение было принято.

...В конце концов, разве не так боги всегда ловили людей в свои сети?

Глава 1

— Я больше не хочу рисовать! — прохныкала девочка и вцепилась в скальпель так, будто это был не инструмент, а последний поручень над пропастью. Металл врезался в ладонь, но боли она не чувствовала. Все ее существо заполнял тошнотворный страх и отвращение к тому, что ее принуждали делать.

— Глупышка! — сказал учитель почти ласково и провел по ее волосам длинными узловатыми пальцами. — Это же так просто и приятно! Почти как кистью. Только вместо нее у тебя нож, а вместо холста — чья-то кожа. Чья-то, не твоя! Так чего ты капризничаешь? Нам пора продолжать урок!

— Но чему я должна научиться? — голос у нее сорвался, и слезы выступили сразу, без предупреждения. — Причинять людям страдания?

— И это тоже, если понадобится, — улыбка учителя не дрогнула. — Но главное, ты должна научиться собирать волю в кулак и перешагивать через себя ради высшего блага. Я просто хочу сделать тебя сильной!

Она судорожно всхлипнула и еще сильнее сжала скользкий от крови скальпель. Красные капли падали на плиту и разбивались тихо,

будто боялись шуметь. Девочка смотрела на них, только бы не встречаться взглядом с обманчиво-доброжелательными глазами своего учителя.

— Я не хочу этому учиться, — прошептала она, так и не посмеяв поднять головы. — Я хочу остаться прежней... Когда же этот кошмар закончится? Ведь должен же он когда-нибудь закончиться?..

Учитель взял ее руку со скальпелем в свои, утешая.

— Как только ты согласишься принять почти неограниченную власть, — — сказал он мягко, и от этой мягкости стало страшнее. Он сжал ее ладонь. Скальпель ушел глубже, и девочка с трудом удержала болезненный вскрик. — Это ведь не трудно, правда? — Сжатие усилилось, и с пальцев ученицы полился кровавый ручеек. — Просто скажи: я согласна стать инкатором!

— И, если я это скажу, наши занятия прекратятся? — старательно сдерживая слезы, спросила она.

— Конечно, милая! Прекратятся. Через семь лет.

Юлиана вздрогнула и больно впиалась ногтями в ладони, прогоняя наваждение. Стоило уйти в себя, как преследовавший уже три ночи кошмар возвращался.

Сердце колотилось о ребра, требуя воздуха, но сжатое немим криком горло почти не пропускало его. Успокоиться не получалось — слишком тесно сон переплетался с реальностью.

Сегодня все менялось навсегда: она становилась ученицей инкатора Карминского — второго по влиянию и первого по жестокости человека в государстве. И это решение принял сам король Оберон.

Она распахнула глаза и вцепилась взглядом за мелькающий за стеклом пейзаж. За окном тянулась пыльная, иссушенная до состояния соломы высокая трава и вялые от зноя деревья. Все вокруг выглядело так, словно готовилось вот-вот испустить дух, убивая остатки оптимизма.

Ее ладонь мягко накрыла теплая рука.

Энтони, с теплотой подумала Юлиана. Единственный наследник короля и её названный младший брат. Он всегда был её тихой опорой, чье внимание и забота не требовали слов. Лас-

ковый майский лучик, согревавший ее своим преданным обожанием. Он был единственным, с кем не нужно было держать лицо.

Им хватало полуслова. Они мыслили одинаково, одинаково смущались, одинаково равнодушно относились к деньгам и власти. И даже в чертах их лиц угадывалось странное, почти родственное сходство.

— Снова этот сон? — с тревогой спросил принц, вглядываясь в ее серые, как предрасветное небо, глаза.

Она не ответила — лишь переплела его пальцы со своими. Король великодушно позволил им с Энтони в последний раз побыть наедине и пересел вперед, рядом с водителем. В ушах Оберона белели наушники; он ритмично покачивал головой в такт льющейся в них мелодии. Водитель тихо слушал радио.

— Тебе так грустно из-за учебы, да? — осторожно спросил Тони.

В его голосе звучали сочувствие и острая, почти болезненная вина за решение отца, на которое он так и не сумел повлиять.

На ресницах девочки задрожали слезы, и она до боли сжала зубы. Ей безумно хотелось устроить настоящую истерику — с воплями, рыданиями, судорожным шмыганьем распухшим носом. Хотелось топтать, колотить кулаками по мягкой коже сидений, кричать, что эта работа не для нее.

Но Юлиана не могла себе этого позволить. Она — герцогиня Делайн. Истинная леди. И то, что ей всего четырнадцать и ей собираются сломать жизнь, — не оправдание для недостойного поведения.

Но даже позволь она себе слабость — это ничего бы не изменило. За нее уже все решили другие, и жаловаться было некому. Мать давно умерла, а для отца она всегда оставалась лишь источником хлопот и лишних расходов — пусть и не самых обременительных. Он с явным облегчением перепоручил королю заботы о своей единственной дочери и почти сразу вычеркнул ее из собственной жизни.

Для Юлианы это не стало потрясением. Они никогда не были особо близки, да и виделись крайне редко — ее школа была за полтысячи километров от дома. Она привыкла к дистанции, к официальным письмам вместо разговоров, к редким сухим встречам.

И все же в душе саднило. Той особенной болью, что знакома тем, кого не просто оставили — а сочли ненужными.

По радио стали передавать новости и Тони попросил шофера сделать звук погромче. Голос диктора говорил о кибератаках и об ужесточении санкций против Талинальдии.

— Куда ж еще больше? — пробормотала Юлиана.

— Считаешь, мы уже и так достигли дна? — невесело хмыкнул принц.

Она кивнула. Коротко, без надежды.

— ...сегодня отмечается тринадцатая годовщина со дня взрыва звездолета «Мечта», — голос диктора стал чуть торжественнее, как того требовал момент. — Напомним нашим слушателям: корабль был уничтожен экстремистами сразу после возвращения из первой межпланетной экспедиции. Этот теракт унес жизни...

Оберон рванул наушники — резко, будто те обжигали, и щелкнул тумблером на панели. Радио захлебнулось на полуслове.

— Хватит! Сколько можно пережевывать одно и то же? Было и было. Что теперь толку сокрушаться?

— Вам с Юлианой повезло, — тихо сказал Энтони. — Вы хотя бы застали «Мечту».

— Мне было полгода, когда она отправилась в экспедицию! — возразила девочка. — Я ее ни разу не видела.

— Но ты жила в мире, где она еще существовала, — упрямо ответил принц.

Замызганная зелень трассы сменилась свежей и сочной, и лимузин въехал на территорию университета. Из машин сопровождения вышли четверо телохранителей и встали по бокам, без суеты, но так, что стало ясно: здесь даже воздух проходит досмотр.

Оберон едва заметно махнул рукой — дверцы тут же распахнулись.

Он вышел первым. Импозантный мужчина средних лет, привыкший начинать и завершать все сам. Время стерло блеск с его когда-то пепельно-русых волос, болезни сделали их тусклыми и ломкими. Лицо, прежде безупречно красивое и живое, утратило упругость, будто осело под тяжестью невидимого груза. А изумрудный взгляд, некогда пленявший придворных красавиц, теперь стал жестким, холодным — почти отталкивающим.

Следом за королем на асфальт ступил Энтони — в элегантном черном костюме, слишком строгом для его возраста. Он ободряюще улыбнулся Юлиане.

— Готова? — преувеличенно бодро спросил он.

Она нерешительно кивнула, короткие черные волосы мягко скользнули на лицо. Отбросив их привычным движением, она выбралась из машины.

Оберон тут же взял обоих за руки — чуть крепче, чем требовалось, словно опасаясь, что без этого они могут разбежаться, и повел их по кленовой аллее к университетскому комплексу.

Каждый шаг Юлианы отдавался тяжестью в груди, словно сейчас она станет не человеком, а деталью, которую с вставят в сложный механизм.

Двор университета встретил их тишиной, слишком аккуратной, чтобы быть естественной. Клены замерли, будто боялись лишним шевелением нарушить эту тяжелую, неестественную пустоту. Ни студентов, ни смеха, ни шагов. Только солнце, которое методично прожигало все, на что падал его взгляд.

Король привел детей в центр вымощенного красноватыми плитами двора, и Юлиана подняла голову, рассматривая место, где ей предстояло провести ближайшие годы.

Прямо перед ней, увенчанное острыми шпильями, возвышалось здание главного корпуса. Строгая, величественная архитектура давила на плечи, заставляя чувствовать себя маленькой, чужой, неуместной.

— Почему так пусто? — спросила она.

— Охрана постаралась, — ехидно хмыкнул Энтони. — А то вдруг какой-нибудь шутник решит кинуть нам под ноги петарду? Или —страшно подумать —банановую кожуру. Смертельно же, да?

Король даже бровью не повел.

— Люди нашего положения не могут позволить себе случайностей, — ровно произнес он.

— Особенно в день годовщины звездолета, который мы угробили, —подхватил Энтони.

—Особенно сегодня, —согласился Оберон.

Энтони хотел сказать еще какую-то колкость, но переглянулся с Юлианой и промолчал.

Солнце пекло нещадно. Мальчик украдкой расстегнул верхнюю пуговицу белоснежной рубашки.

— Ну и жара! — пробормотал он. — Даже боюсь представить, как чувствует себя Юлиана! Пап, обязательно было наряжать ее в эту проклятую форму?

Юлиана опустила глаза на свой мундир — длинный, цвета голубинового крыла, приталенный так, будто ткань знала о долге больше, чем она. В этой идеальной, чужой одежде она чувствовала себя не ученицей — самозванкой, которая украла форму и теперь боится, что ее разоблачат. Щеки запыхали.

— Эта одежда — не просто ткань, — ответил Оберон, будто отвечая на ее мысли. — Это символ. Символ неотвратимости и всемогущества. Пусть привыкают.

“Пусть”, — подумала Юлиана. — “Пусть привыкают”.

Она — четырнадцатилетняя девочка. Но уже — символ.

За всю историю династии Астаротов инкаторами становились только мужчины. Сильные, умные, безжалостные. Женщина на этом посту казалась нарушением традиции.

Страна узнала о назначении неделю назад. Газеты раздули сенсацию. Люди гадали, чем же примечательна эта девочка. Чем она заслужила место, которое раньше было закрыто даже для самых амбициозных?

Юлиана не знала ответа. И это пугало больше всего.

Они прошли дальше — по дорожке, обрамленной низким кустарником. Король говорил о факультетах, о дипломатах и о том, как государство выращивает себе служителей.

Она слушала вполуха. Слова скользили мимо, как дождь по стеклу.

Здания из темного камня остались позади, и перед ними возникло другое — белое, полукруглое, с серебристым куполом. Спрятанное в густой зелени деревьев, оно казалось легким, почти невесомым — слишком светлым для тяжелого двора и строгих шпилей позади.

— Вот, — сказал Оберон. — Твой факультет.

Солнечный свет, отраженный куполом, ударил в глаза. Энтони поморгал и, прикрыв ладонью лицо, пробурчал:

— У прадедушки был порядок с юмором, раз он придумал обучать демонов в домике для фей!

— Инкаторы — не демоны, — резко ответил король. — Они — щит. И оружие. Когда ты станешь государем, ты это поймешь. Он перевел взгляд с наследника на перепуганную девочку и улыбнулся. По-отечески мягко. — Не страшись своей доли, дитя. Тебя ждет великое будущее. Светлое. Яркое. Насыщенное. — Он сделал паузу, будто давая ей прочувствовать вес каждого слова. — А теперь пойдём. Я покажу твоё новое жилище.

Они пересекли парк, и вскоре в просвете между кленами показался дом. Одноэтажный, сложенный из светлого камня, он почти терялся в тени огромной ивы. Дерево нависало над ним — густое, лохматое, как медуза, опустившая щупальца до самой крыши.

— А вот и домик для нашей принцессы! — широко улыбаясь, объявил король. — Нравится?

Аккуратное здание из белого кирпича напомнило Юлиане поделку из конструктора, которую недавно мастерил Тони. И крыша такая же зеленая, только черепица чуть более округлая.

— Очень! — с трудом выдавила из себя девочка, мечтая в эту секунду лишь об одном: сбежать отсюда и вернуться в свою старую школу. — А на сколько человек он рассчитан?

— Милая, он только твой! — рассмеялся король. — Разве может герцогиня жить с кем-то еще? Нет, девочка, у тебя все будет по высшему разряду! И прислуга, и отдельное питание! Ты больше не сиротка, сосланная отцом в изгнание. Ты — будущий инкатор.

Юлиана сникла еще больше.

Титул с младых ногтей был для нее настоящим бичом. Учителя в ее прежней школе упорно акцентировали на нем внимание, требуя от остальных учеников особого отношения к однокласснице. Итог был предсказуем: дети стали ее сторониться.

А теперь станет только хуже. Потому что отныне она еще и будущий инкатор. С отдельным домом и прислужгой. При таком раскладе шансов завести настоящих друзей — раз, два и обчелся. Разве что подхалимы полезут. Таких везде хватает, только дружить с ними не хочется.

— Ваше величество, а можно я поселюсь в общежитии, вместе со всеми? — спросила она, не слишком надеясь на согласие.

— Зачем это тебе? — удивился Оберон.

— Я не хочу никаких привилегий. Хочу быть как все.

— Что за блажь? И речи об этом быть не может! Ты никогда не будешь как все. Ты выше них — и по положению, и по рождению. Привыкай к этому. А они пусть учатся тебя уважать.

— Можно мне хотя бы обойтись без прислуги? — в голосе Юлианы зазвучала мольба.
— Мне не нужны няньки, я привыкла сама себя обслуживать.

— Глупости! — отрезал король. — Герцогиня не должна опускаться до бытовых мелочей. Твое дело — учиться.

Стоявший за спиной отца Энтони сочувственно развел руками — он сам терпеть не мог, когда за ним ходили по пятам, предвосхищая каждое желание. Он видел, что отец не расположен к компромиссам, но на всякий случай сделал самую просительную гримасу, на которую был способен, и тронул отца за рукав.

— Пап, сделай, как она просит. Ну пожалуйста.

Оберон обернулся, встретил полные мольбы глаза сына — и дрогнул. Тони так редко о чем-то просит. Как можно отказать?

— Хорошо, — сдался он. — Прислуга будет приходить только в учебное время.

Сын благодарно прижался щекой к его плечу, превращая отца в податливое желе.

— Спасибо! — выдохнули они с Юлианой одновременно.

Король с нежностью провел ладонью по затылку сына и пробурчал:

— Внутри осмотрим позже. Сейчас пора познакомить Юлиану с учителем. Он ждет нас в здании факультета.

Он направился обратно, а принц ободряюще шлепнул девочку по плечу.

— Победа! — шепнул он. — Теперь сможешь творить здесь все, что в голову взбредет, — никто и не узнает! Эй, чем ты опять недовольна?

— Пять лет в одиночке! Вот чем! Я тут с ума сойду!

Тони обхватил ее за плечи и повел вслед за отцом.

— Я бы с удовольствием поменялся с тобой местами, сестренка. Меня отец, наверное, до старости будет за ручку водить. И я так и не узнаю, что значит это сладкое слово — «свобода».

Король обернулся, увидел, что дети отстали, и нетерпеливо махнул рукой. Тони с Юлианой прибавили шаг.

Вскоре они подошли к зданию. Ко входу вели двенадцать широких белых ступеней.

Стараясь не отставать от Оберона, девочка начала подниматься. Она смотрела под ноги — боялась наступить на длинные полы мундира, который вызывал у нее острое, почти физическое желание содрать его с себя и сбежать.

Каждая ступень давалась с трудом, словно ее толкали не вверх, а в пропасть. Поднявшись, она вскинула голову — и едва не отступила.

У дверей стоял мужчина лет шестидесяти пяти в таком же долгополом мундире, только под воротником-стойкой серебрились вышитые веточки.

Высокий, сухой, безукоризненно прямой, он стоял неподвижно, словно страж из древних преданий, готовый испепелить любого. Темные с проседью волосы, зачесанные назад, достигали плеч. Длинное резкое лицо казалось высеченным из камня, и в каждой черте читались холодное превосходство и усталое презрение к миру.

Инкатор Карминский, с внутренним холодом подумала Юлиана.

Она много слышала о нем — о человеке, ставшем живой легендой, — но впервые видела его так близко.

Его водянисто-голубые глаза впились в ее серые — остро, безжалостно. В них вспыхнула ледяная неприязнь. Взгляд медленно скользнул вниз, оценивая ее целиком.

Осмотр длился всего несколько секунд. Но Юлиане показалось, что за это время он успел разобрать ее на части — увидеть не только внешность, но и страх, и сомнение, и слабость. Холод, исходивший от инкатора, пробрал ее до костей. По коже побежали мелкие, колючие мурашки.

Кустистые брови Карминского сдвинулись. Тонкие, почти бесцветные губы сжались. Он оторвал от нее тяжелый взгляд и, будто преодолевая себя, поклонился королю, затем принцу.

— Рад приветствовать вас, Ваше величество. И вас, Ваше высочество. — Голос Карминского сочился ледяной учтивостью. Он перевел взгляд на девочку, и в нем мелькнуло что-то, отчего у Юлианы похолодело внутри. — Это и есть моя ученица?

Глава 2

Юлиана встретила с ним глазами — и едва не согнулась пополам. Такой тяжести она не ожидала. Будто на плечи рухнула каменная плита, придавила к земле, не давая вздохнуть. Наверное, именно так чувствует себя человек, которого завалило обломками. Воздуха стало мало. Чтобы не отвести глаз, пришлось собрать всю волю.

Король лучезарно улыбнулся, не замечая мрачного лица инкатора. Или не желая замечать.

— Да, Эдмунд, ты прав! Это она. Та самая девочка, из которой ты сделаешь первую в мире женщину-инкатора!

Лицо Карминского дернулось. Скривилось так, словно по губам проползло омерзительное насекомое.

— Можно вас на пару слов, Ваше величество? — проскрипел он. Сухо. Официально. С таким лицом просят об одолжении, от которого тошнит.

Оберон обернулся к детям — к сыну и к девочке, застывшей каменной глыбой посреди ступеней.

— Ребятки, вы пока внутрь идите, посмотритесь. А мы скоро подойдем.

Тони прекрасно понимал как не по себе сейчас Юлиане, и как ей страшно приблизиться к грозному инкатору хоть на шаг, поэтому взял ее за руку и силком потащил в холл здания. Зная Карминского с младенчества, он давно привык к нему, как заклинатель змей привыкает к кобре, не забывая, на сколько шагов безопасно приближаться.

Инкатора прозвали в народе Жнецом за его частые кровавые жатвы, и принц точно знал, что это меткое прозвище он получил заслуженно.

Эдмунд нехотя посторонился, пропуская их внутрь, а затем пошел вниз по ступеням вслед за королем.

Отойдя от здания шагов на двадцать, Оберон остановился под раскидистым кленом, укрывавшим траву от августовского зноя, и прислонился к стволу. Карминский встал напротив, не сводя с монарха тяжелого взгляда.

— Прекрати сверлить во мне дырки, Эдмунд. Я не четырнадцатилетняя девочка, и на меня твои фокусы не действуют! — сбросив с себя притворное добродушие, проговорил король. — Мог хотя бы поздороваться с ней! Или для тебя вежливость — признак слабости?

— Этой пичужке здесь не место! — отрезал инкатор. — Отдайте ее в институт благородных девиц. В художественную школу. В балетный кружок, наконец. Но только не сюда.

— Где ей место, решаю я, — жестко ответил Астарот. — Твое дело — выполнять приказы. Я сказал, что ты сделаешь из нее инкатора, — значит, сделаешь. Даже если придется наступить на горло всем своим «не хочу».

— Вы хоть сами понимаете, о чем говорите? Женщина — инкатор! Это просто смешно!

— Вот и замечательно, посмейся! — обрубил король. — А то у тебя давно проблемы с юмором!

Эдмунд медленно выдохнул, гася клокочущий гнев, и попробовал зайти с другого бока — воззвать к благоразумию Оберона.

— Я понимаю, что вы не оступитесь от своей безумной затеи, но подумайте об этой девочке! — Он кивнул в сторону здания. — Вы говорили мне, что она вам дорога почти так же, как сын, так за что же вы обрекаете ее на это? Вы же знаете, что за жизнь у инкаторов. У нее никогда не будет ни друзей, ни семьи. От нее будут шарахаться, как от чумы. Ее никто не полюбит. Она не узнает радости материнства. И единственный букет, который она получит

в жизни, будет состоять из ее несбывшихся надежд, завернутых в целлофан разочарований! Такой жизни вы хотите для своей любимицы?

— У нее будет сила и власть, а это куда лучше, чем слюнявые поцелуи поклонников и грязные подгузники горластого младенца! — возразил Оберон.

— О да, сила и власть у нее, конечно, будут! — Карминский уже не сдерживал сарказма. — Вы позаботитесь об этом, даже если она окажется полной бездарностью. Даже если не дотянет до инкаторских стандартов. Сила и власть — будут. А еще у нее будет изломанная психика. И лютая ненависть к вам за то, что вы лишили ее не только нормальной жизни, но и детства.

Он шагнул ближе, впился взглядом в короля.

— Ей четырнадцать лет! Дайте ей хотя бы школу закончить.

Король тряхнул ногой, сбрасывая запрыгнувшего на нее кузнечика.

— По интеллекту она давно превосходит двадцатилетних, — сказал он. — Так что не бойся, азбуке учить тебе ее не придется!

Карминский резко втянул воздух сквозь зубы, сдерживая вспышку.

— Хорошо. — глухо произнес он. — Но о последствиях я вас предупредил. Чтобы потом претензий не было, когда в один прекрасный день предохранители в ее нежных девичьих мозгах перегорят от нервного перенапряжения. И она повесится. Или выпрыгнет из окна.

Оберон нахмурился.

— Без твоей помощи она этого не сделает, Эдмунд. У нее крепкая психика. — Он шагнул ближе, понизил голос. — Но, если ты намеренно доведешь ее до этого — или причинишь физический вред, — тысячу раз пожалеешь.

Карминский дернул плечом. Презрительно, будто сбрасывал насекомое покрупнее кузнечика.

— Даже не собирался. — Он помолчал. — А вот насчет крепости психики — рано делать выводы. Может, она и не рыдает из-за сломанного ногтя или косоного взгляда подружки. Но инкаторская работа — это вам не женские истерики. Это испытание даже для выдавших виды циников. Другой уровень переживаний. Я, знаете ли, сентиментальностью никогда не страдал, и то первые два года регулярно стоял на грани умопомешательства.

Король поморщился: когда в нем закипало бешенство, кровь тяжелыми толчками начинала бить в голову, поднимая со дна дремлющее раздражение. Вот и сейчас перед глазами потемнело, и Оберону нестерпимо захотелось наорать на прекословящего старика.

Но он сдержался. При всей своей желчности Карминский был бесценен. Незаменим. К тому же портить такой день скандалом не хотелось.

— Она — особенный ребенок, Эдмунд, — Король говорил ровно, с нажимом. — Если бы ты знал ее мать — понял бы, почему мой выбор не случаен. Она тебя сто раз переплюнет.

— Меня? — Карминский фыркнул, будто отбрасывая неудачную шутку.

Оберон не ответил.

Улыбка осталась на лице инкатора на долю секунды дольше, чем следовало, и медленно сошла.

— Вы знаете, что я прав, — проговорил он наконец. Голос сел, стал тише — от этого страшнее. — Знаете, чем это кончится. Вопрос только в том, хватит ли у вас смелости признать это сейчас. Или потом, когда будет поздно.

— Увидишь, — в голосе Оберона звякнуло железо. Он вдохнул — раз, другой, будто пытался затолкать рвущуюся наружу ярость обратно. — А сейчас сделай одолжение — заткнись. Пока у меня голова не взорвалась от давления.

Карминский не шелохнулся. Только смотрел — спокойно, изучающе, как смотрят на механизм, который вот-вот даст сбой.

— Ничего не имею против вашей смерти, — сказал он буднично. — Тогда мне, по крайней мере, не придется тратить семь лет впустую.

Он знал, что перешел черту. Знал, что король терпит из последних сил. Но мысль о том, что придется учить сопливую девчонку своему ремеслу, наполняла его такой яростью, что выбирать слова он даже не пытался. И притворяться, что здоровье монарха его хоть сколько-нибудь волнует, — тоже.

Астарот вздернул подбородок и до болезненного хруста сжал свои опухшие от артрита пальцы.

— Ты забываешься, Эдмунд! — прошипел он. — Я тебе эту власть дал, я ее и отниму, если через семь лет Юлиана не станет равной тебе в мастерстве! То, что ты знаешь анатомию каждого скелета в моем шкафу, еще не дает тебе права говорить со мной в таком тоне.

Карминский склонился в поклоне чуть ли не до земли. Преувеличенно, издевательски почтительно.

— Простите меня, Ваше величество. — Яд сочился из каждого слова. — Все забываю, что я всего лишь ваш слуга. Разумеется, сегодня же со всей ответственностью кинусь выполнять приказ. Вот только сперва дайте мне высочайшее позволение учить эту девочку так, как я сочту нужным. Иначе, — он выпрямился, впился взглядом в короля, — моя наука не принесет ей никакого проку.

— Да учи, как хочешь, лишь бы она была жива и здорова! — великодушно разрешил Оберон.

— И вы готовы терпеть ее слезы и жалобы на меня?

— Ну, ты особо-то не свирепствуй, девочка все же...

— Не более, чем это будет необходимо! — уклончиво пообещал Карминский.

Его ответ королю не понравился. Но Оберон знал: другого не получит, сколько ни угрожай.

— Тогда договорились, — буркнул он и протянул руку.

Старик сжал его запястье длинными, по-старчески деформированными пальцами.

— Да не дави ты, больно же! — Король отдернул ладонь, тряхнул ею в воздухе. — Идем к детям, а то бросили их одних. И не вздумай пугать девочку с порога. Дай ей хотя бы немного к тебе привыкнуть. На твою вечно злющую физиономию даже мне тошно смотреть, что уж про нее говорить.

— И что мне теперь, клоуна из себя строить? — Карминский дернул бровью. — Не дождетесь. Пусть привыкает. Инкатория — не для слабонервных.

— Чертов ты мизантроп! — Оберон осторожно потирал пострадавшую руку, по которой разбегались волны боли. — Вечно ты всем недоволен.

Злость Карминского схлынула, оставив после себя усталую, застарелую горечь.

— Я совсем перестал понимать вас, Ваше величество. — Он покачал головой. — С тех пор как вы вернулись из первой межпланетной экспедиции, вы ведете себя так, будто ждете чуда. И не просто ждете — вы точно знаете, что оно случится. А страна тем временем гибнет под грузом санкций. Война с Валькинорией высосала бюджет досуха. Экономика в руинах. А вы берете новые займы у тех, кто еще согласен давать. — Он помолчал. — На что вы надеетесь?

Глаза короля вспыхнули тем особенным светом, который Карминский видел не раз — и всякий раз он его тревожил. На губах Оберона появилась странная, почти блаженная полуулыбка.

— Ты прав, Эдмунд. Я жду чуда. — Голос Оберона зазвучал глухо, почти благоговейно. — Жду, когда оно войдет в силу. И замираю от мысли о тех возможностях, которые оно передо мной откроет. Скоро мир изменится до неузнаваемости. И Астароты станут его единственными повелителями.

Он перевел дыхание, будто сбрасывая наваждение, но глаза горели все так же.

— А до того момента я готов терпеть любые лишения. Потому что знаю: они временные. Четырнадцать лет назад я посадил зерно. — Он посмотрел куда-то сквозь Карминского, сквозь

деревья, сквозь само время. — И оно вот-вот созреет. И даст мне все, о чем только можно мечтать.

— Четырнадцать лет назад? — задумчиво переспросил Карминский. — Вы привезли с Эллиума нечто особенное? О чем никто не знает?

Оберон бросил на него быстрый, встревоженный взгляд.

Осторожнее. С этим стариком нельзя быть слишком откровенным — пронизателен, как черт.

— Что это было? — потребовал Карминский.

Вопрос ударил наотмашь.

Злая память безжалостно выдернула короля из-под клена, из августовского зноя, из настоящего — и швырнула в прошлое. На борт стремительно стартующего с Эллиума звездолета с романтическим названием «Мечта».

Официальную версию конфликта землян с местными жителями знали все. Настоящую — только двое: он и его неразлучный друг Амадей Дарси.

Им было по двадцать два. Они жаждали открытий, славы, невозможного.

В тот день правитель Эллиума показал им святыню планеты, сердце их мира. И объяснил ее предназначение.

Сила, заключенная в реликвии, потрясла молодого наследника так, что он перестал мыслить трезво. Он прикоснулся к ней — и уже не смог выпустить из рук.

Дальше было бегство: позорное, поспешное. И бесконечные попытки Дарси образумить его: одумайся, верни, пока не поздно. Тогда они впервые поссорились по-настоящему. К несчастью для принца — навсегда.

Через три дня после возвращения на Землю «Мечта» взорвалась. Официально — теракт.

— Я ведь не выпытываю твои секреты, Эдмунд, — произнес Оберон с натянутой усмешкой, возвращаясь в настоящее. — Придет время — узнаешь. Или можешь лишний раз доказать свою гениальность, самостоятельно докопавшись до истины.

Издевка была тонкой. Вся команда «Мечты» погибла при взрыве через три дня после возвращения. Спрашивать было не у кого.

Глаза инкатора сузились.

Король оттолкнулся от ствола, стяхнул с ладоней мелкие занозы коры и ровно сказал:

— Идем. Дети нас заждались.

Карминский кивнул и пошел следом. Но мысли его уже были далеко — не в холле, не рядом с Юлианой.

Они крутились вокруг реликвии, похищенной с Эллиума.

Глава 3

Пока его отец спорил с инкатором, Энтони как мог успокаивал Юлиану. Они сидели на широком низком подоконнике холла и девочка едва сдерживалась, чтобы не разреветься от отчаяния.

— Да не нервничай ты так! — попробовал успокоить ее брат. — Он только выглядит так страшно! А на самом деле просто желчный мерзкий старикашка, превративший свой сан в ауру карающей непогрешимости!

— Тони, я боюсь его! Он меня уже ненавидит, а ведь я ему еще и слова не сказала!

— Он всех ненавидит, — словно оправдывая Карминского, возразил принц. — И всегда ненавидел, насколько я помню... А как еще может себя вести злобный социопат и законченный мизантроп?

Девочка нервно рассмеялась.

— Спасибо! Мне стало намного легче! И правда, чего я заморачиваюсь? Пять лет в обществе самого бесчеловечного инкатора Талинальдии, которым пугают детей, и чье имя произносят только шепотом!

— Вообще-то семь... — поправил Энтони, рассеянно теребя непокорную русую челку. — Еще два года стажировки после академии...

— Семь?! — Ее восклицание вылетело коротко и жалко, как воздух из внезапно лопнувшего шарика. — Половина тех лет, что я прожила?!

Девочка подняла глаза вверх, чтобы не дать пролиться просившимся на свободу слезам, и с мукой вздохнула.

— Тони, ты же лучше меня знаешь своего отца! Умоляю, убеди его забрать меня отсюда! Я всегда мечтала помогать людям, а не подавлять их!

— Это единственная работа, которая достойна тебя, — заученно повторил Энтони чужие слова. — И даже еще больше возвысит.

Он попытался носком туфли стереть с пола раздражающе жизнерадостный солнечный блик.

Юлиана беспомощно всплеснула руками.

— Тони, ты же знаешь, что мне это не нужно! Ну как мне ему это объяснить?

— Никак! — безнадежно ответил принц, — Я пробовал. Не получилось. Хотя я сильно старался. Даже не представляешь, насколько я старался!

Несколько дней назад у них с отцом состоялся крайне неприятный разговор, уже не первый на эту тему. Король впервые не пытался задавить сына авторитетом, а очень доходчиво объяснил ему причину своего решения, а заодно открыл ему глаза на внутреннюю политику страны.

— Тони, — Оберон сидел рядом с сыном на диване в гостиной, глядя куда-то перед собой. — То, что вы с Юлианой сейчас считаете наказанием, — на самом деле гарантия вашего счастливого будущего.

Он помолчал.

— Меня скоро не станет. Нет-нет, не спорь. — Король поднял ладонь, останавливая готовые сорваться с губ принца возражения. — Я знаю это точно. От моего бывшего здоровья остались жалкие ошметки. Да и оракул напроорочил раннюю смерть.

Тони дернулся, но отец продолжал:

— Но я не хочу оставлять тебя в этом мире одного. — Голос Оберона дрогнул и стал тверже. — Как мне ни прискорбно это признавать — ты слаб. Много слабее, чем я. И не потому,

что организм у тебя не самый крепкий. А потому что ты хоть и рожден правителем, но, по сути, им не являешься.

Он повернулся к сыну, заглянул в глаза.

— Не обижайся, сынок. Может, я говорю обидные вещи. Но это правда. Иногда я жалею, что ты не родился девочкой. Твоя мягкость и абсолютное нежелание управлять государством больше бы шли женщине. — Король тяжело вздохнул. — Но ты мой сын. И скоро тебе придется принимать все решения самому.

— Нет! — перепугался Энтони. — Я не могу принять на себя ответственность за два с половиной миллиарда человек!

Оберон успокаивающе похлопал сына по руке.

— Знаю, сынок... Знаю. Ты скорее откажешься от трона, чем... — Он не договорил, махнул рукой. — Но выход есть. И он прост. Тебе нужен советник. Опытный. С острым умом и стальными нервами. Тот, кто умеет находить нужных людей и заставлять их делать то, что ему нужно.

— Ты хотел сказать — то, что нужно мне? — Тони криво улыбнулся.

Оберон потрепал его по голове — жест, от которого у принца всегда щемило сердце, потому что отец позволял его себе все реже.

— Нет, сынок, я не оговорился. — Король помолчал. — Нашей страной вот уже восемь столетий правят не короли, а инкаторы. Но, по давним правилам игры, они свято соблюдают одну традицию: делать вид, будто все решения принимают короли.

Тони захолопал глазами.

— А разве... разве не мы?

— Увы. — Оберон покачал головой. — Все с точностью до наоборот. Это они, а не мы, всегда в курсе всех событий. Нам достаются лишь крохи — сухие доклады, в которые они ни за что не включают ничего, что противоречит их планам. И когда мы издаем указы, мы руководствуемся только теми аргументами, которые они вложили нам в уши.

Он посмотрел на сына в упор.

— Знай мы всю картину целиком — возможно, принимали бы совсем другие законы. Но мы видим лишь ту часть реальности, которую они сами решают нам показать.

Принц не мог поверить, что отец не шутит.

— Получается... мы на самом деле пустое место? Их марионетки?

— Лишь в определенной степени, Энтони. В этом странном мире все относительно. Пока они управляют королями — короли управляют ими. В любой момент я могу посадить любого из инкаторов в тюрьму. Или казнить. Но я ни за что этого не сделаю.

Он помолчал, давая словам улечься.

— Потому что каждый из них уникален. По-своему незаменим. По большому счету, они нужны стране гораздо больше, чем я. Я просто живу. А они служат. Принимают решения, на которые у меня никогда не хватило бы ни мозгов, ни хладнокровия. Обеспечивают безопасность, процветание. Отлавливают смутьянов. Просчитывают риски. Да, они частенько передегривают, подтасовывают и манипулируют. Но мне плевать.

Король усмехнулся.

— Если я не вижу проблемы — мне не нужно ее решать. Это их забота. А моя — пожинать лавры. В итоге мне достается всенародная любовь за мудрое правление. А им — всенародная ненависть за жестокость и непопулярные решения.

Он развел руками, будто предлагая сыну оценить всю красоту этой схемы.

— Это ведь так неприятно — когда тебя ненавидят, — тихо сказал Тони.

— Только не инкаторам, — усмехнулся Оберон. — Для них чем хуже — тем лучше. Чем хуже репутация, тем больше боятся. И тем меньше сопротивляются. Карминский, например, достиг высочайших вершин в искусстве запугивания. Недаром прозвали Жнецом. Он сеет

смерть и страдания, не щадя ни старых, ни малых. И наслаждается каждой крупницей ужаса, который вызывает.

Энтони вдруг поймал себя на мысли, что никогда не задумывался: почему у каждого из трех инкаторов есть прозвища? И откуда они взялись?

— А Хиггинс? — спросил он. — Почему его зовут Пахарь?

Оберон подложил под спину подушку, осторожно распрямляя на ней вечно ноющую спину.

— Однажды, подавляя восстание, — это было еще при моем отце, — Арчибальд велел закопать в вырытом под дом котловане сто человек. Живых. А потом сел на трактор и несколько раз проехался на нем по месту казни, перепаживая лежавшие сверху тела.

Тони ужаснулся. Прежде он не слышал этой истории. Для него Хиггинс был просто пожилым дяденькой с хитрой улыбкой, который дарил ему интересные безделушки и вкусности.

— И как поступил дедушка, узнав об этом? — спросил принц.

— Он подарил ему шикарную виллу на берегу океана.

— За убийства наших жителей?! — опешил мальчик.

— За верную службу, сынок! — поправил его король. — За то, что после этого уцелевшие мятежники и думать забыли о сопротивлении! Тебе это дико слышать, но порядок в стране требует жертв!

Оберон видел: сын шокирован. Впервые за много лет Тони не отмалчивался, не уходил от разговора, а слушал и задавал вопросы. Король решил не упускать момент.

— Не считай инкаторов злом, сынок. — Он говорил мягко, но веско. — Они — твои самые верные друзья и советчики. Будут оберегать тебя лучше, чем мы с твоей покойной матерью. Пойми: они не садисты и не маньяки. Они никогда не станут пытаться или убивать без серьезной причины. Они — мудрые политики и психологи, способные решить любую проблему.

Оберон замолчал — ровно настолько, чтобы Тони успел осознать услышанное.

— Порой для этого приходится прибегать к насилию. Иногда — массовому. Но люди и эмоции уходят, а результаты остаются. Благодаря инкаторам наша страна столетиями была одной из сильнейших в мире. И это при том, что ни один король из династии Астаротов не обладал гениальным умом и не был великим стратегом.

Он усмехнулся.

— Так что выбирай: хочешь быть правителем, за которым тянется шлейф трупов, — или тем, кто просто пожинает плоды? Я выбрал второе. И тебе советую.

— Если они такие гениальные и не нуждаются в нас, — Тони все еще пытался уложить в голове услышанное, — тогда почему служат? Почему не сместят и не заберут власть себе?

Оберон усмехнулся.

— Причин несколько. Во-первых, их всегда трое. И они жестко конкурируют, постоянно следя друг за другом. Шансы, что они полюбовно поделят власть, — ничтожны. — Он загнул палец. — А, во-вторых, у королей всегда есть строгий ошейник для каждого. Который позволяет заставлять их делать то, чего им категорически не хочется.

— Значит, у тебя есть ошейник для Карминского?

— Да. И очень прочный. — Оберон криво улыбнулся. — Иначе он давно растер бы меня в пыль. Мы ненавидим друг друга уже больше двенадцати лет. Но ненавидим любя. И это нисколько не мешает нашему сотрудничеству. Разве что добавляет огня.

Он помолчал.

— К моему счастью, этот старый брызга никогда не стремился к большей власти, чем у него есть. В этом вы с ним похожи. Только ты боишься править, а он — не хочет взваливать на себя такую ношу. Ему нужна свобода выбора и действий. Расшаркиваться перед правителями

других стран, выпрашивать поблажки — не его история. — Король посмотрел на сына. — Наверное, поэтому он ни разу не попытался меня сместить.

Энтони попробовал представить, как отдает приказ Карминскому, и тут же получил мысленную оплеуху — резкую, полную сарказма, уничтожающую. Он сник.

— Пап... когда тебя не станет, он вряд ли станет мне служить.

Оберон задумчиво прикусил губу.

Вопрос мучил его давно. И серьезно. То, чем он держал старого инкатора, пачкало и его собственное имя, поэтому должно было умереть вместе с ним. Но убивать Карминского нельзя. Убить, значит, обрушить половину государства: слишком много жизненно важных нитей он держал в своих руках. И Оберон не сомневался: старик унесет в могилу все те чужие тайны, что делают его незаменимым.

Поэтому он нашел другой выход.

— Прорицательница обещала мне примерно сорок семь лет жизни. — Король говорил буднично, словно о погоде. — Если она не ошиблась, к тому времени у тебя будет собственный советник. Молодой. Который Жнецу ничем не уступит. А может, и превзойдет.

Энтони охнул и в смятении посмотрел на отца.

— Ты сейчас про Юлиану?

— Да, сынок.

Оберон говорил спокойно, будто раскладывал по полкам давно обдуманное.

— Я долго думал, на кого тебя оставить. Выбор был непростым. Этот человек должен быть умным. Решительным. Умелым организатором. И самое главное — беззаветно преданным тебе. Не менее важно, чтобы и тебе с ним было комфортно. Чтобы ты мог довериться ему, как самому себе. — Король помолчал. — А кто еще в королевстве подходит под это описание, кроме нашей малютки герцогини?

Энтони вытаращил глаза.

— Папа, ты шутишь?! — В голосе плескалось неподдельное изумление. — Ты посмотри на этих мастодонтов — Карминского, Хиггинса, Витовского. А теперь посмотри на Юлиану. Сравнить ее с ними — все равно что сравнивать лилию с бульдозерами! В ней же нет ни расчетливости, ни коварства, ни жестокости!

— Я же не говорю, что она уже безупречна, — пожал плечами Оберон. — Но именно поэтому ей и нужен Карминский. Ему придется изрядно попотеть, вытравливая из нее наивность и прививая необходимые качества. И он справится. В этом я не сомневаюсь.

— Почему именно он? — нахмурился Энтони. — Почему не Витовский или Хиггинс?

— Витовский — редкий профессионал, — спокойно ответил король. — Но, увы, почти покойник. Болезнь не оставляет ему шансов. Он вряд ли доживет до ее выпуска. И тогда Эдмунду придется отпустить девочку в свободное плавание гораздо раньше срока.

Оберон чуть скривился.

— Хиггинс... слишком мягок. Он хорош в интригах, но не в формировании хищников.

Король поднял взгляд на сына.

— Чтобы противостоять Карминскому, нужно знать его изнутри. Его логику. Его приемы. Его слабости. А такая сообразительная девочка, как Юлиана, за семь лет изучит его досконально. Он научит ее всем своим хитростям. А она добавит к ним свои. И к тому времени, когда я уйду в лучший мир, на страже твоих интересов будет стоять не просто герцогиня... а усовершенствованная, более энергичная и голодная версия Жнеца.

Король сделал нетерпеливый жест, предупреждая возражения:

— Только не говори, что ты не хочешь править вместе с ней. Я в это никогда не поверю.

— Не скажу, — признал Тони. — Она была бы идеальным соправителем для меня. Но все равно ты не имеешь права принуждать ее к тому, чтобы она приносила себя в жертву нашей семье! Это подло!

Оберон, кряхтя, поднялся с софы и медленно подошел к графину. Налил воды, достал из кармана горчичного пиджака блистер с капсулами и извлек сразу две. Проглотил шумно, демонстративно — прекрасно зная, как один только вид этих лекарств пугает его сына.

— Принимая решение отправить Юлиану учиться на инкатора, я думал не только о твоём благе, но и о ней! — намеренно глубоко дыша, сказал он. Я хотел дать ей блестящее образование, сделать ее сильной, независимой женщиной, которая после учебы сама стала бы хозяйкой своей судьбы.

Подумай сам, как ей сейчас живется? — предложил Оберон. — Кроме тебя у нее совсем нет друзей. Родной отец даже на каникулы забирать ее не хочет! Я могу его понять: новая семья, страшенькая падчерица, которой неуютно рядом с утонченной сводной сестрой. Да и денег на всех не хватает — он давно прогулял свое состояние. Куда лучше держать дочку взаперти в дешевой школе, а потом выгодно выдать замуж.

— Сейчас не средневековье, — прервал его Энтони, — и отец не сможет принудить ее к браку!

— Принудить? Нет. Потому что и принуждать-то нечем. Он даже наследства ее лишить не сможет — давно прокутил. А вот надавить на жалость... Юлиана так давно мечтает об отцовской любви, что готова разбиться в лепешку, лишь бы заслужить его одобрение!

— Я не допущу этого! — проскрипел зубами принц.

Оберон с усмешкой посмотрел на него.

— И что ты предложишь ей взамен? Руку и сердце?

Тони сильно покраснел и потупился. В своих грезах он часто видел Юлиану своей королевой, но насколько осуществимы эти мечты, он не знал.

— Может быть... Если она согласится, конечно!

— А если нет? У нее ведь могут быть свои планы не только на образование, но и на личную жизнь, сынок! Ты сам прекрасно знаешь, что она видит в тебе только младшего брата! Заметь, младшего — тебе ведь только тринадцать! А девушки в ее возрасте интересуются не сверстниками, а мужчинами постарше! Да и чувства она испытывает к тебе исключительно братские!

— Я знаю, — пробурчал принц.

— Допустим, она не захочет брать тебя в мужья. Как ты видишь ее жизнь тогда? — продолжил Оберон, возвращаясь к теме, от которой его самого мутило. Он скорее лег бы в землю, чем позволил этому браку состояться. — У нее нет дома. Нет средств к существованию. У нее вообще ничего нет, кроме головы.

— Мы заберем ее жить к себе! Разве мы обеднеем, если Юлиана поселится у нас? — с вызовом спросил Энтони.

— Нет, конечно, не обеднеем! — качнул головой король, словно заранее готовый к такому вопросу. — И я был бы очень рад, если бы она жила с нами. Но ты должен понимать: все будут считать ее нашей содержанкой. Во дворце и так ходят слухи, что она любовница одного из нас, а может, и обоих сразу! Ты подумал о ее репутации? Вряд ли ей будет приятно слышать глумливое хихиканье за спиной. И чем больше мы будем опровергать эти слухи, тем сильнее они станут. Людям не нужна правда — им нужна сенсация! А что может быть грязнее и пикантнее, чем молодая девица, которую принц называет сестрой, а отец — воспитанницей, и которая при этом якобы одновременно убажает обоих?

— Папа, прекрати! — зажимая уши руками, воскликнул мальчик. — Не смей так говорить о Юлиане! Она не такая!

— Да не кричи ты, я и сам это знаю! — с досадой махнул рукой король. — Только я посмотрю, как ты докажешь это всем остальным! Хочешь, чтобы от ее гордости остались только лохмотья? Вряд ли она поблагодарит тебя за это!

Этот довод его сломал. Энтони уступил — но впервые всерьёз задумался, тот ли выбор сделала бы Юлиана, будь у неё свобода. Вряд ли. И от этой мысли стало холодно. Хорошо, что она не знает: к её заточению здесь он тоже приложил руку.

Девочка стяхнула прилипшую к мундиру колючую травинку и с отвращением оглядела себя.

— Я выгляжу в этом балахоне как клоун! Жалкая пародия на инкатора! Я не хочу носить эту одежду, мне нравятся платья!

А вот тут Энтони был категорически не согласен. Мундир, сшитый точно по фигуре и длиной до щиколоток, подчеркивал ее изящные линии, придавая строгую, почти пленительную строгость, и делал ее чуть взрослее.

— Ты выглядишь просто замечательно! — мягко возразил ей он. — Гораздо лучше, чем когда-либо. Просто ты чересчур напряжена. Все вокруг тебя незнакомое, неродное, а кислая физиономия Карминского всегда всем портит настроение. Расслабься, сестренка, все равно он тебе ничего плохого не сделает! Ну максимум наорет за откровенный саботаж!

Дверь холла открылась, ослепив детей яркими полуденными лучами, и в вестибюль вошли Оберон и Карминский. Юлиана немедленно встала. Тони нехотя последовал ее примеру.

— Честно говоря, я здесь ни разу не был после своей коронации! — ностальгически осматриваясь, признался король. — И с тех пор здесь все изменилось до неузнаваемости! Ну, ребятки, идемте смотреть колыбель наших инкаторов!

Девочка с опаской прошмыгнула мимо Карминского. Он зловеще улыбнулся ей вслед, раздумывая как сделать их завтрашнее занятие первым и последним.

Глава 4

Для обучения Юлианы выделили отдельный класс. Небольшой, светлый, уютный. Вдоль фисташковой стены — стеллажи с книгами, в центре — массивный учительский стол и одна парта.

Ровно в восемь утра следующего дня Карминский сверлил свою единственную ученицу недобрым взглядом. Он не знал, с чего начать, чтобы она сбежала от него в кратчайшие сроки. У него было по горло важных дел, и он не собирался ни пускать их на самотек, ни перепоручать кому — то из коллег.

Десять секунд — и девочка, изо всех сил старавшаяся казаться храброй, сдалась, опустив глаза. По губам Эдмунда зазмеилась довольная улыбка: его гениальный мозг нашел решение.

Он перевел взгляд на открытое настежь окно и отрывисто приказал:

— Вставай! Наше ознакомительное занятие будет проходить не здесь!

— А где? — едва слышно спросила Юлиана.

Жнец хищно улыбнулся.

— Хочу показать тебе настоящую инкаторскую работу! — почти дружелюбно ответил он. — Ты же хочешь увидеть, чем тебе придется заниматься всю жизнь? Заметь, всю! Ведь уволиться с этой службы невозможно — она оканчивается только вместе с жизнью! Ты правда этого хочешь?

Девочка этого не хотела. И не просто не хотела — панически боялась. То, что она знала, было слишком ужасным, чтобы быть правдой, и она упрямо убеждала себя: сочинители статей любят сгущать краски, пугают ради красного словца.

Но страх жил глубже газетных строк. С детства она слышала, как талинальдийские жители произносят слово «инкатор» шепотом — будто название болезни или проклятия. Инкаторам приписывали почти сверхъестественную силу: умение читать мысли, ломать волю одним взглядом, чувствовать ложь на расстоянии. О них говорили вполголоса и предпочитали не поминать без нужды — на всякий случай. Суеверный ужас перед ними передавался так же естественно, как сказки на ночь.

И теперь этим словом называли ее будущее.

Выжидающая улыбка Карминского стала жесткой и теперь напоминала звериный оскал.

— Я задал тебе вопрос!

Она вздрогнула, в очередной раз удивившись, как хлестко он произносит слова. Примерно так же звучали удары бича в фильме про рабов, который они с Тони смотрели пару месяцев назад.

— Да, — нерешительно соврала Юлиана, боясь разозлить его правдивым ответом. Она со стыдом подумала, что если не справится со своим страхом перед учителем, то скоро сама превратится в такую же безмолвную забитую рабыню, как главная героиня того фильма, но уж никак не в инкатора.

— Отлично! — захлопывая составленный накануне конспект, воскликнул он. — Тогда поехали!

Эдмунд быстрым шагом вышел из класса и направился по коридору к выходу, ни разу не обернувшись. Проклиная сковывавший движения узкий мундир, девочка бросилась за ним вдогонку.

Местом для урока Карминский выбрал расположенную в двухстах километрах от университета тюрьму. Несколько дней назад туда доставили валькинорца, осужденного за шпио-

наж, — гражданина страны, которая уже не одно десятилетие вела войну с Талинальдией. Дело было слишком мелким для инкатора, и в другое время он поручил бы его кому— то другому, но для запугивания девчонки оно вполне годилось.

Он снисходительно покосился на ученицу. Та с подчеркнутым усердием разглядывала пейзаж за окном, будто в нем скрывался смысл ее спасения.

С момента отъезда прошло сорок минут — она ни разу не пошевелилась. Даже руки лежали на коленях так неподвижно, словно любое движение могло спровоцировать беду. Сама поездка с ним была для нее испытанием. Они не обменялись ни словом.

Инкатор лениво прикинул, не нарушить ли тишину — несколькими точными фразами можно было бы довести девочку до нужной кондиции. Но мягкий ход машины, ровный гул мотора и ощущение контроля действовали убаюкивающе. Портить себе дорогу ради сомнительного развлечения не хотелось.

Успеется.

Он обеспечит Юлиане такую дозу нервозности, что ее выдержка рассыплется сама. Страх сделает свое дело быстрее любого насилия. И тогда коронованный упрямец наконец увидит очевидное: девчонка не годится. А его оставят в покое.

Он прикрыл тяжелые веки и задремал. Разбудила его тишина: шофер заглушил двигатель — машина остановилась у центрального входа в тюрьму. Карминский потянулся, расправляя плечи, и покосился на девочку. Та застыла, оробело глядя на распахнутую шофером дверь.

— Чего сидишь? Выходи! Приехали! — скомандовал инкатор.

Юлиана выбралась из машины и с опаской огляделась. Прямо перед ней, посреди выжженной беспощадным солнцем степи, на несколько десятков метров тянулся каменный забор, утыканный штырями с колючей проволокой. За ним виднелось несколько угрюмо— серых корпусов с маленькими зарешеченными окнами

Уколовшись о жала проволоки, взгляд девочки отскочил вниз и уткнулся в бессильно повисший ковыль. Все вокруг казалось неживым. Тишина стояла такая, что резало слух. Не слышно было ни птиц, ни привычного для степи стрекота кузнечиков, ни шелеста иссушенной травы. Воздух был сперт и неподвижен, даже облака казались плотно приколочеными к небу.

— Чтоб тебя! — проворчал сзади Карминский, размазывая по асфальту прыгнувшую ему под ноги большую желто— зеленую саранчу. Тело насекомого превратилось в кашу, а отделившиеся лапки задрыгались в агонии.

Юлиана поморщилась и отвела глаза.

— Ну что, налюбовалась пейзажем? — поинтересовался Карминский.

Она молча кивнула.

— Тогда идем дальше! — жизнерадостно объявил он.

Охранник тюрьмы с лязгом отворил тяжелую калитку и замер в глубоком поклоне. Даже не кивнув ему, Жнец подтолкнул медлящую девочку в спину, побуждая пройти через вертушку.

— Смелее! Будь как дома! Ведь это — часть твоей будущей работы! Ты должна чувствовать себя тут хозяйкой, а не гостьей!

подавив внутреннюю дрожь, Юлиана ступила в квадратный тюремный двор. К чувству сиротливого одиночества добавилась обреченность. Она ядовитыми миазмами сочилась из бетонных стен, из вмурованных под ржавыми решетками окон и накладывала отпечаток на лица часовых на вышках.

Не успел Карминский подойти к главному корпусу, как очередной охранник предупредительно распахнул перед ним двери.

— Где Сигерд Станг? — отрывисто бросил на ходу инкатор.

— Я провожу вас, господин Карминский! — засуетился служащий, пристраиваясь чуть поодаль и сбоку. — Пожалуйста, поверните направо! Теперь сюда. Осторожно: здесь две ступенечки вниз! Мы почти пришли! Третья дверь слева, милорд.

Бедняга так нервничал, что Юлиана даже на время отвлеклась от собственных страхов. Значит, не у нее одной трясутся поджилки в присутствии Жнеца?

Охранник распахнул дверь настежь, пропуская их внутрь, а потом застыл у входа по стойке «смирно».

При виде входящего инкатора, следователь вскочил из— за стола как ошпаренный. Вытянувшись в струнку, он забормотал что— то приветственное, тщетно пытаясь совладать с дергавшимся правым веком.

«Да, похоже, не я одна такая нервная», — с некоторым удовлетворением заключила Юлиана. Жнеца от этого открытия она бояться не перестала, зато стыд за свою слабость мучил меньше. Она даже позволила себе осмотреться.

Взгляд сразу приковал стоявший посреди комнаты мужчина с заведенными за спину руками. Он был одет в тюремную робу, глаза завязаны плотной черной тканью, а уши закрывали внушительных размеров наушники. Он странно покачивался и подергивался, словно в такт слышавшейся даже сквозь наушники музыке. Периодически он начинал оседать, но тут же возвращал себе равновесие. Из— под повязки виднелась только узкая прорезь бескровного рта.

Карминский окинул взглядом заключенного, перевел глаза на побледневшего следователя и улыбнулся той самой улыбкой, от которой у нормальных людей холодела спина.

— Увлекся, голубчик? — ласково поинтересовался он, поигрывая пальцами. — А не забыл случайно, кому у нас разрешено задавать вопросы с особым пристрастием?

Следователь заозирался, будто ища путь к отступлению.

— Да я только спросить... одно имя... я аккуратнo, — выдохнул он, сглатывая ком в горле.

— Аккуратнo, — эхом повторил инкатор, и в его голосе послышалось нечто, отчего следователя передернуло. — Вон.

Офицер испарился за дверью. Жнец швырнул на стол привезенную папку — темно— синюю, с серебряным гербом, — и потянулся к влажным салфеткам.

— Ненавижу этот мундир летом! — пробурчал он, стирая пот с лица и шеи. Потом набрал номер и бросил в трубку:

— Рэндольф, ты где?

— Через три минуты буду! — ответил тот.

— Не задерживайся! — выдвигая себе стул, велел инкатор.

Он положил мобильник на стол и через плечо посмотрел на жавшегося у двери охранника.

— Эй, принеси еще один стул!

Буквально через минуту приказ был выполнен. Жнец покосился на Юлиану — та явно не знала, куда себя деть, — и похлопал ладонью по сиденью соседнего стула.

— Садись!

Она примостилась на краешке и указала на корчившегося мужчину.

— Почему он так странно ведет себя? Он безумный?

— Не исключено, но вряд ли, — ответил Карминский. — Этот упрямец себя прекрасно контролирует, а значит, его интеллект еще не пострадал.

— Почему он в наушниках?

— Станный вопрос! Музыку слушает, конечно! Видишь, как пританцовывает?

Инкатор пододвинул к девочке пачку салфеток.

— Нужны?

Не отрывая взгляда от арестанта, она мотнула головой, а потом вскрикнула:

— У него из носа потекла кровь! Ему плохо!

Юлиана вскочила помочь, но Карминский мощным рывком вернул ее на место.

— Сидеть! — рявкнул он. — И попробуй только еще хоть раз шевельнуться без моего позволения!

На мгновение она растерянно замерла — но тут же, проигнорировав запрет, сорвалась с места и подбежала к мужчине, который снова начал оседать.

На этот раз Карминский не стал ей препятствовать. Откинулся на стуле, наблюдая за ее действиями.

Сначала она сорвала с жертвы наушники. В уши ударила музыка. Девочка поморщилась и с отвращением отбросила их в сторону. Потом зашла за спину Станга, развязала повязку — и охнула, увидев его запястья. Багровые, распухшие, с наручниками, впившимися почти до кости.

Мужчина вдруг разрыдался и сильно зашатался. Юлиана бегом бросилась за своим стулом и подставила его под сползающего на пол человека.

— Дайте мне ключи от наручников! — гневно потребовала она у Карминского.

Он безразлично пожал плечами.

— Зачем? Ему и так уже гораздо лучше! Кстати, что это у него играло? Я совсем перестал разбираться в новомодных музыкальных направлениях. Ритмичненько так, бодряще. Надо себе на телефон закачать.

В голову Юлианы ударила мощная слепящая волна и потекла по телу, по пути сжимая спазмом челюсти, а потом кулаки. Накатившее чувство было ей незнакомо, но определить его она смогла безошибочно. Ярость, поняла она. И ненависть.

Дверь негромко стукнула, впуская вызванного Карминским палача, но девочка не обратила на него внимания. Она старательно вытирала платком льющуюся у заключенного из носа кровь.

— Ему нужен врач! — выкрикнула она.

Карминский издал издевательский смешок.

— Рэндольф, наша ученица не усвоила первое правило. — Он выдвинул ящик стола, доставая наручники. — Не подходить к преступнику без разрешения.

Через минуту Юлиана оказалась прикованной к трубе отопления. Холод металла врезался в запястья, но она почти не ощущала боли — внутри все онемело от шока.

Карминский поднялся, взял висевшую на крючке резиновую дубинку и направился к девочке. Остановился в шаге от нее и взмахнул дубинкой. Она зажмурилась, ожидая вспышки боли, но удара не последовало — инкатор стукнул дубинкой по своей ладони.

— Продолжим наш урок! — как ни в чем не бывало, сказал он и подошел к успевшему немного прийти в себя Стангу. — Правило первое: соблюдай безопасность. Никогда не оставайся наедине с преступником. Не будь у этого молодчика скованы руки, он бы уже использовал тебя как заложницу. Запомнила?

Он поиграл перед лицом заключенного дубинкой, словно взвешивая ее, и продолжил:

— Сегодня мы не будем рассматривать приемы психологического насилия — ты до них еще не доросла, а остановимся на самом примитивном, но вместе с тем самым доступном и эффективным способе получения информации — пытках! Сегодня ты стала свидетельницей некоторых из них. Наш проказник — следователь применил к Стангу одновременно несколько видов истязаний. Первый — разрывающая барабанные перепонки музыка, второй — слишком сильно пережатые руки, третий — пытка длительным стоянием. Ну а повязка на глаза — один из видов сенсорной депривации. Знаешь, что это такое?

— Нет!

— Это частичное или полное лишение органов чувств внешних раздражителей. — Он говорил спокойно, словно читал лекцию. — Непродолжительная депривация расслабляет, дальше нарастает беспокойство, появляются галлюцинации. Некоторые сходят с ума только от этого. Но здесь повязка и музыка просто обостряют боль.

Юлиана негодуяюще сощурилась, а инкатор задрал штанину узника.

— Видишь, как раздулись его ноги? Он простоял часов десять, не меньше, поэтому и качался. Если человека продержат так достаточно долго, кожа начинает лопаться.

Карминский коротко, со знанием дела, ударил по голени. Заключенный захлебнулся воем. Кожа лопнула, по ноге заструилась сукровица.

— Урок второй. пытка — это не эмоции. Это математика. Зрачки, пульс, дыхание. — Он оттянул веко Станга, показывая расширенный зрачок. — Смотри, как расширен. Это не просто боль. Это предел. Значит, скоро сломается.

— Вы ничего у него не спрашиваете, зачем вы его мучаете?! — выкрикнула Юлиана, дергая наручники.

— А смысл спрашивать? — Карминский удивленно поднял бровь. — Он оглох. Часа через два такой музыки барабанные перепонки не выдерживают. — Он наклонился к уху Станга и проорал: — Ты меня слышишь? Можешь бежать, если хочешь! Если за пять минут ты сможешь выйти за территорию тюрьмы, то я подарю тебе свободу!

Сигерд никак не отреагировал на его вопли, только еще сильнее зарыдал. Юлиана от бессилия сжала руки в кулаки. Врезавшееся в запястья железо только еще больше разозлило ее.

— Вам доставляет удовольствие над ним издеваться, да? Вы ведь это делаете сейчас без всякой цели!

— Милая, я даже молчу с умыслом! — Карминский швырнул дубинку на пол и сел за стол. — И я ни над кем не издеваюсь. Я, как мне и приказано, обучаю свою студентку с помощью вот этого учебного пособия. — Он кивнул на Сигерда. — Показываю ей азы пыток.

— С людьми можно договориться и без насилия! Вы просто не хотите приложить к этому усилия!

— Согласен, психологическое насилие куда интереснее. Но, детка, будем реалистами: чтобы расколоть человека, нужно быть психологом. А ты им и через десять лет не станешь. Максимум — будешь с умным видом выслушивать детские воспоминания неврастеников.

Карминский театрально прижал ладонь ко лбу и с показной скорбью произнес:

— Ах, доктор, у меня не складываются отношения с людьми, я никому не могу доверять! — и тут же сам себе покровительственно ответил: — Это неудивительно! Ведь когда вам было три года, ваш друг по песочнице сломал ваш куличик! Такая психологическая травма не может пройти бесследно! Думаю, за полгода интенсивной терапии я помогу вам осознать, что он сделал это не из злобы, а просто оказался неуклюжим недоумком, и тогда вы снова полюбите этот мир!

— Не смешно! — зло бросила Юлиана.

— Какая же ты скучная и предсказуемая! — вздохнул Карминский. — И эмоционально неустойчивая к тому же: передергиваешься даже от размазанного жука. Короче, ты не подходишь для этой работы ни по одному критерию, но больного маразмом Астарота это не волнует. Поэтому, как бы нас с тобой друг от друга не тошнило, нам обеспечены семь лет взаимной ненависти.

А теперь давай продолжим наше занятие! Сейчас я тебе покажу, что можно сделать с помощью простой сигареты!

Урок продолжался недолго. Через десять минут и ослепленный сигаретой Станг, и Юлиана оказались в глубоком обмороке.

Глава 5

Девочка пришла в себя в медицинском блоке. В голове шумело, а у основания правой ладони ощущалось сильное жжение. Она непроизвольно дернула рукой, потом открыла глаза и увидела пожилого врача, который обрабатывал ей антисептиком свезенную наручником кожу.

— О! — обрадовался откуда— то из— за ее головы Карминский. — Наша соня проснулась! Отдохнула?

Инкатор подошел к Юлиане и дернул за только что обработанную руку. Она сжала зубы, чтобы не зашипеть от боли. Врач бросил на Жнеца косой недоброжелательный взгляд, но высказаться не посмел, только быстро обмотал ей запястье бинтом.

— Вставай скорее, а то весь день проспий! — оживленно проговорил Эдмунд.

Девочка стиснула челюсти, чтобы сдерживать рвущиеся проклятья, и при помощи врача поднялась на ноги.

— Не упадете? — заботливо спросил он.

— Нет, — неуверенно пробормотала она. При воспоминании о предшествовавших обмороку событиях дурнота стала возвращаться.

Карминский подхватил ее под руку и бесцеремонно потащил из санчасти прочь.

— Я хоть и не обидчивый, но слегка задет, — сказал он. — Неужели мои уроки такие скучные, что от них клонит в сон? Если так, то я исправлюсь, и к следующему разу подготовлю что—нибудь более захватывающее, обещаю!

— О господи... — прошептала Юлиана. — Для меня и сегодняшнее зрелище было забываемым!

— Это что! Пустяк! Я и не такое могу, увидишь!

— Боюсь представить, — честно ответила она.

Они остановились у запертой на несколько замков двери. Дождались, пока охранник один за другим провернет ключи.

Металл глухо лязгнул. За дверью открылся огромный зал, вытянутый и высокий, в несколько этажей. По обе стороны тянулись ряды камер. В дальнем углу раздавались яростные вопли и грохот — кто—то бился о решетки так, будто пытался проломить их голыми руками.

— Здесь камеры с заключенными, — пояснил Жнец. — Тебе, наверное, интересно, зачем я тебя сюда привел?

Юлиана с тревогой посмотрела в сторону источника шума и кивнула.

— Сейчас объясню! — недобро улыбнулся Карминский. — Помнишь, что в начале урока я велел тебе сидеть рядом со мной и ни в коем случае не вставать?

— Помню, — похолодев, ответила она.

— А ты меня проигнорировала, помнишь?

Она еще раз кивнула.

— Не то, чтобы я на тебя сильно рассердился, — сказал он. — Просто терпеть не могу непослушания. Сегодня твое наказание за этот проступок будет мягким, но если это повторится, тогда мы будем говорить с тобой по—другому. Надеюсь, ты поняла, что шутить я не люблю?

— Да.

— Вот и славно! Сегодня ты посидишь в одной из камер и подумаешь над своим поведением. Ты можешь испытывать ко мне любые чувства, но забывать, кто здесь инкатор и твой наставник, я тебе не позволю.

Карминский огляделся, и Юлиана похолодела: его взгляд остановился на самой дальней, самой темной части зала. Он дернул ее за руку, и она споткнулась, пытаясь удержаться на ногах. С каждым шагом воздух становился тяжелее, а вопли заключенного ближе и страшнее.

— Я убью вас, суки! Всех голыми руками передую, как тех двух крыс, из— за которых я здесь! — колотя в дверь чем— то тяжелым, кричал он. — Вы все равно когда-нибудь подойдете ко мне, и тогда вам хана!

Карминский остановился напротив содрогавшейся от мощных ударов двери и жестом подозвал охранника.

— Ты мне говорила, что с людьми можно договориться и без насилия, — напомнил он девочке. — У тебя есть прекрасная возможность доказать мне это! Иди и договорись с этим взбесившимся убийцей!

Юлиана оторопела.

— Вам мало моих нервов? Хотите моей смерти? — враждебно осведомилась она. — Он сейчас не в том состоянии, чтобы вести переговоры! Нужно дать ему время успокоиться!

— Девушка права, милорд! — встрял подбежавший караульный. — Лучше оставить его на время в покое: потом он успеет получить свое!

Жнец с прищуром посмотрел на посмевшегося вклиниться в их разговор служащего.

— Я давал тебе слово? — ледяным тоном поинтересовался он, рассматривая парня как блоху.

— Нет, но девушке нельзя туда входить! — с горячностью заявил тюремщик. — Линарес силен, как медведь! Он ее двумя пальцами пополам сломает!

— Хм... — инкатор озадаченно почесал затылок. — Да у меня сегодня впервые за много лет день бунтов! Это ты так плохо действуешь на персонал, моя дорогая, или я стал таким мягким, что меня и в грош не ставят? — спросил он Юлиану.

Охранник побледнел и замолчал.

— Твари! Всем кишки на хрен повыпускаю! — орал зэк.

Стук на пару секунд затих, а потом снова возобновился — на этот раз в дверь молотили ногами.

Карминский заглянул в крошечное окошко, и по его губам растеклась задумчивая улыбка. Он собирался просто попугать девчонку, но внезапно его осенило. А что, если использовать эту ситуацию как тест? Если она выживет и справится — значит, в ней действительно есть стержень, и возможно, Астарот не так уж безумен.

Если же заключенный ее убьет — проблема решится сама собой, и никто не сможет обвинить его в умышленном убийстве: девочка сама вызвалась, он лишь предложил выбор.

Он обернулся к Юлиане.

— У меня к тебе предложение, — вкрадчиво начал он, с интересом наблюдая за ее реакцией. — Ты успокаиваешь этого нервного типа, а я на целую неделю отменяю наши занятия. Честный обмен, верно?

Он выдержал паузу, давая ей осознать сказанное, и продолжил уже жестче:

— А если отказываешься... что ж. Я сейчас же заменю так растроганного тебя Станга на этого крикуна, и мы начнем урок сначала. Только в этот раз нежничать не обещаю. Хочешь посмотреть, как выглядит настоящая старинная пытка? Очень долгая. Очень мучительная. Доступная даже ребенку — настолько она проста.

Карминский подался вперед, понижая голос до доверительного шепота:

— От тела медленно отрезают небольшие кусочки плоти. Жизненно важные органы не трогают — агония должна длиться как можно дольше. Но сначала жертве выкалывают глаза, чтобы она не отвлекалась на посторонние образы. Чтобы целиком сосредоточилась на боли. Ты ведь хочешь быть прилежной ученицей, Юлиана?

Нутро Юлианы затопил липкий ужас. Теперь она не сомневалась: Карминский исполнит каждую свою угрозу.

— Вы — сумасшедший садист! — растерянно прошептала она.

— Я инкатор. И через семь лет ты тоже будешь такой. Если только не сойдешь с ума или не покончишь с собой раньше. Но это уже не моя забота! Твоя жизнь — твой выбор. Так что решай: хочешь спасти этого буяна от трехдневных мучений? Войди к нему и успокой! Вряд ли твой мундир расположит его к дружбе, но ты же у нас не из робких, верно?

Юлиана на мгновение оцепенела, мысленно готовясь к тому, что ждет внутри. Сердце колотилось так, что казалось слышным во всем зале, колени дрожали, но голос ее был удивительно ровным:

— Хорошо. Я пойду к нему. — Она посмотрела прямо в глаза Карминскому и впервые за день не отвела взгляд. — Потому что даже бешеный зверь добрее вас.

Часовой от неожиданности громко охнул.

— Не наговаривай! — Карминский притворно надулся. — Я ведь тебя и пальцем не тронул! И впредь не собираюсь.

— Да, не тронете, — признала Юлиана. — Для этого есть Рэндольф. А если не он — вы просто подождете. Сердце у меня, кажется, не самое крепкое.

Жнец замер, вглядываясь в нее с новым интересом. Потом медленно, почти одобрительно кивнул.

— Неплохой вариант, — признал он. — Может, хоть тогда до осла— Оберона дойдет, что женщина— инкатор — абсурд. — Он кивнул на дверь. — Ну так что? Идешь демонстрировать старику чудеса дипломатии или передумала? Второго шанса не дам.

Охранник побелел и замотал головой — умоляюще, отчаянно, без слов.

— Ай, герой! Ай, мужчина! — одобрительно закивал Карминский. — Открывай, давай, не заставляй даму ждать!

Парень трясущимися руками возился с запором. Лязг ключа привлек внимание бушевавшего внутри заключенного. Грохот стих, наступила настороженная тишина.

— Эй, чудище! — крикнул Карминский в дверь. — Тут кое— кто жаждет с тобой поговорить! Передашь все требования через нее!

Охранник потянул дверь и тайком сунул девочке в руку что— то металлическое. Юлиана даже не успела опустить взгляд — пальцы сами сжались вокруг холодного предмета. Что это было, она понятия не имела. Но тот, кто рисковал сейчас жизнью, явно хотел ей помочь.

Она шагнула внутрь — и не смогла вздохнуть. Грудную клетку сжало невидимыми обручами.

Свет из коридора сразу оборвался: его заслонили плечи. Перед ней стоял не человек — массивная, живая преграда. Майка натягивалась на груди, которая вздымалась тяжело и ритмично, как кузнечный мех. Под кожей перекачивались мышцы, будто он все еще с кем— то сражался.

Юлиана подняла глаза не сразу — словно взгляд тоже имел вес.

Сначала она увидела руку — огромную, с побелевшими костяшками пальцев. Они сжимали вырванный металлический кронштейн с торчащими рваными краями и согнутыми болтами. На стене осталась темная дыра там, где когда— то держалась полка. На полу валялись осколки разбитой видеокамеры.

Девочка подняла взгляд выше.

Глубоко посаженные карие глаза смотрели из— под бровей, сходящихся угрюмым углом. В них еще догорал гнев. Грубый шрам перетягивал подбородок, правая бровь была рассечена, узкий рубец тянулся к самому глазу.

Мужчина моргнул — раз, другой. Ярость не исчезла — она споткнулась. Его лицо стало растерянным, почти нелепым: картинка перед ним явно не совпала с ожиданиями.

Не надзиратель. Не противник.

Девочка.

Юлиана почувствовала этот сдвиг почти физически — как если бы между ними упало что-то тяжелое, но не опасное. Рука, еще секунду назад уверенная, замерла в воздухе, будто мужчина забыл, зачем протянул ее. Он искал слова — и не находил.

Его замешательство придало ей странную, хрупкую смелость. Губы дрогнули и сложились в осторожную улыбку — не вызывающую, не дерзкую, а почти виноватую.

Громила медленно опустил занесенную руку. Металлический кронштейн со звоном упал на бетон. Помедлив, он ответил ей такой же неуверенной улыбкой — будто примерял ее на себя.

— Как ты здесь очутилась, ласточка? — спросил он уже без прежнего жара, голосом, в котором неожиданно оказалось больше усталости, чем угрозы.

Не поворачивая головы — чтобы не разрушить шаткое равновесие — Юлиана чуть мотнула ею в сторону двери.

— Кажется, мы теперь с вами соседи по камере.

Глава 6

Линарес бросил взгляд на дверь — в узкой прорези смотрового люка блеснул глаз. С той стороны к металлу припал Карминский, вытянувшись так, будто мог протиснуться внутрь одним взглядом.

Несколько секунд они смотрели друг на друга через темную щель. Карминский явно не собирался закрывать заслонку.

Линарес медленно усмехнулся, будто увидел не человека, а что — то надоедливое. Не отрывая взгляда, он поднял руку и показал в сторону люка средний палец.

Глаз в прорези не исчез. Заслонка не дрогнула.

Тогда Линарес сорвал с койки тонкое одеяло и накинул его на дверь. Аккуратно расправил на уровне смотрового окна, а край подоткнул под щель у пола. Теперь обзор перекрывала застиранная серая ткань.

Он на секунду задержал ладонь на полотне, словно проверяя, последует ли ответ — окрик, удар в дверь, требование убрать тряпку. Но в коридоре было тихо — Карминский не стал вмешиваться.

Спустя несколько секунд раздался короткий металлический шелчок: люк закрыли. Но даже после этого Линарес еще чувствовал на себе взгляд — не через щель, а как присутствие, которое никуда не делось.

За дверью разочарованно выругались. Шаги закрипели по коридору. В камере стало тише.

— Это что, новый способ перевоспитания матерых преступников? — хмыкнул Линарес, переводя взгляд на девочку.

— Это не вас собираются перевоспитывать, а меня, — ответила Юлиана.

— Тюремные власти совсем чокнулись? Чем они думают, помещая к не видевшему два года женщин мужику такое чудо, как ты?

Он всмотрелся в девочку внимательнее — в узкие плечи, в глаза, в зажатый в ладони серебристый цилиндр.

— Это что? Шокер?

Юлиана посмотрела на предмет так, будто видела его впервые.

— Не знаю. Может быть.

Линарес раздраженно выдохнул и резко шагнул к девочке. Выхватил цилиндр из ее ладони и грозно спросил:

— Зачем ты сюда явилась, ненормальная? Проваливай, пока я не набросился на тебя! Меня от одного вида твоего нежного ротика лихорадит.

— Я не могу уйти, — выдохнула Юлиана. — Меня никто не выпустит без разрешения учителя. А он будет только рад, если вы меня убьете... Пожалуйста, не злитесь! Я постараюсь, чтобы вы не замечали моего присутствия, пока не закончится срок наказания.

Линарес замолчал. Медленно сел на нары, провел ладонями по лицу.

— Дурдом... — пробормотал он. — Эта гребаная тюрьма окончательно превратилась в дурдом!

Минуту он сидел, уставившись в пол, потом постучал ладонью по койке.

— Иди сюда. Не бойся, не обижу. Я не вандал, чтобы дитенка мучить. И еще ни разу не сделал того, что от меня хотели тюремщики. Если им надо, чтобы я тебя тронул, — я с тебя пылинки сдувать буду. Им назло.

Юлиана подошла осторожно, присела на край нар, оставляя между ними расстояние.

— Что ж, соседка, давай знакомиться! Я Эктор Линарес, сорока двух лет от роду. Осужден на пожизненное за двойное убийство. Два года назад задушил голыми руками двух продажных полицейских, и ни о чем не жалею. Теперь твоя очередь рассказывать про себя.

— Юлиана Делайн. Мне четырнадцать.

Он усмехнулся, покачал головой.

— Четырнадцать... Тебе бы в школе сидеть, а не со зэком на нарах.

Она промолчала, опустив взгляд на выщербленный пол.

— Странная у тебя форма, воробышек! — прищурился он. — На инкаторский мундир смахивает.

— Я учусь на инкатора.

Линарес откинулся назад и расхохотался — слишком громко для тесной камеры.

— Ну и ну! — пропыхтел он, вытирая слезы с уголков глаз. — Вот это полет фантазии! Раньше девчонки грезили сценой, коронами, обложками... А ты решила — сразу в инкаторы? Ласточка, ты хоть представляешь, о ком говоришь? Инкаторы — это не герои баллад. Это холодные, жесткие мужики, которых боятся даже те, кто приказывает им.

Линарес выпрямился, прищурился, будто проверяя, шутит ли она. Девочка не ответила, только отвела взгляд.

Смех и недоверие Эктора постепенно сменились изумлением, а потом и вовсе перешли в мрачную, тяжелую задумчивость. Он пересел на скамью напротив, чтобы видеть целиком эту хрупкую фигурку в казенном мундире, сжавшуюся в комок на краю его койки.

— Ну хорошо, — тихо сказал он, и голос его стал серьезным. — Тогда объясни мне: если ты и впрямь учишься на инкатора, то почему учитель закрыл тебя со мной? Это просто чудо, что я не убил тебя в первую минуту. Сам не знаю, что меня остановило.

Юлиана почувствовала, как внутри снова поднимается безысходность.

— Потому что он ненавидит меня. Король заставляет Карминского меня учить, и это доводит его до белого каления. Но так как ни его, ни меня не спрашивают, чего мы хотим, то он, по— видимому, решил избавиться от меня с вашей помощью. В первый же день моей учебы.

Эктор снова измерил взглядом ее поникшие плечики, а потом долго всматривался в полное страха и тоски личико. В нем что— то дрогнуло. Он протянул руку — медленно, чтобы не испугать — и осторожно, совсем невесомо для его огромной ладони, коснулся ее макушки.

— Эй, ласточка, а ты ведь не шутишь! Вот так дела!

Он убрал руку и потер лоб, словно пытался стереть с лица непонимание.

В дверь камеры резко постучали — не кулаком, чем— то твердым.

— Юлиана, выходи! — крикнул Карминский. — Поигралась в миротворца и хватит. Нам пора заниматься дальше.

Юлиана вздрогнула. В груди что— то сжалось колючим узлом.

— Эй, детка, а ты ведь боишься выходить... — тихо подметил Линарес.

— Очень.

Он посмотрел на нее иначе — в глазах мелькнула решимость.

— Размечтались! — вдруг заорал он в сторону двери. — Так я ее и выпустил! Кто ж добровольно такой подарочек отдаст? Я им еще не наигрался!

Юлиана резко повернулась к нему — страх полоснул по позвоночнику.

— Тише, маленькая, — прошептал Линарес едва слышно. — Это для них. — Не подходите к камере! — громко добавил он. — Чуть что — сверну ей шею! Мне терять нечего! И кто попытается вмешаться — пожалеет, — громко добавил он.

За дверью повисла пауза.

— Линарес, отпусти девочку, иначе ты не представляешь, что с тобой будет! — зло предупредил Карминский.

— Очень даже хорошо представляю! Поэтому подержу ее у себя подольше! Хочу надыхаться перед смертью! И наесться от пуза! И не вздумайте повернуть какие-нибудь фокусы с усыпляющим газом или еще чем— то подобным! Чуть почую, что что— то не так — размажу эту ляльку по стене! Мне терять нечего! А король после этого размажет вас, не правда ли, господин Карминский?

За дверью тихо чертыхнулись. Вернулась тишина.

Юлиана слышала тяжелое дыхание Эктора и понимала: если бы он действительно хотел убить ее, она бы уже лежала на полу. Неожиданно для себя она вдруг оказалась фигурой, за которую начали торговаться.

— Что ты будешь пить? — тихо спросил он.

— Что?..

— Колу? Сок? Стейки любишь? Клубнику?

Она смотрела на него, не понимая, смеется он или сходит с ума.

— Стейки... и клубнику, — прошептала она.

Он ухмыльнулся.

— Отлично. Тогда закажем. Пусть господин инкатор поработает у нас официантом. Да меня в рай автоматом только за это пустят! Ты только не бойся, ладно? Не бойся... — тихо повторил он. — И подыграй мне немного.

И Юлиана впервые ощутила странное сочетание страха и доверия — поняла, что Линарес теперь ее единственная защита, испытание и союзник в одном лице.

Эктор подошел к двери и заорал:

— Эй вы! Хотите получить девчонку живой — слушайте мои требования...

Глава 7

Примерно через час охранник внес в камеру корзину с едой и с тревогой оглядел девочку. Она стояла в углу у входа, не поднимая головы, на которой сверху покоилась одна из железных лап Линареса. Второй рукой он пережимал ей шею, готовый в любую секунду свернуть. Девочка мелко дрожала, но не издавала ни звука. Ее пальцы были сжаты в кулаки так, что побелели костяшки.

Парень замер, и рука его непроизвольно дернулась к дубинке на поясе.

— Эй! — окликнул его Линарес. — Еда не отравлена? Я ведь ее сначала на вашем цыпленке испытывать буду!

— Не переживай, не отравлена!

— Тогда иди отсюда! — небрежно махнул рукой Эктор. — Не видишь, у меня романтический ужин? И окошко хорошенько закрой – не фиг подглядывать!

Охранник медлил, желая спасти девочку если не от убийства, то от насилия. Он просчитывал расстояние и угол, но каждый расчет упирался в одно и то же — слишком мало пространства, слишком близко ее горло, слишком высока цена ошибки.

— Топай, топай! — поторопил заключенный. — Третий тут явно лишний!

— Если ты ее тронешь — я тебя убью! — тихо предупредил надзиратель. — Помни, через час ты обещал ее отпустить! И лучше тебе сдержать слово!

Дверь камеры лязгнула, снова оставляя Линареса наедине с добычей.

Карминский медленно прошелся вдоль стены, сцепив руки за спиной. Шаги были размеренными, но внутри все скрежетало. Король уже дважды набирал его — он видел вызовы, но не ответил. Сначала надо понять, чем закончится этот спектакль.

— Как девчонка? — бросил он охраннику, едва тот вышел.

— Живая. Одетая. Больше ничего сказать не могу, — процедил тот. Неприязнь в его глазах была такой густой, что хоть ложкой ешь.

Карминский холодно улыбнулся.

— Как трогательно. Ты начал испытывать к ней родственные чувства?

Охранник отвернулся и отошел подальше.

Эдмунд остался один посреди зала и позволил себе на секунду закрыть глаза.

— Идиот.

Слово вырвалось почти беззвучно, но обожгло горло. Он позволил себе роскошь, на которую не имел права. Ту, что сам себе запретил много лет назад. Навсегда. Эмоции. Чертовы вязкие эмоции, от которых он отвык, как от курения.

Детдом не прощал слабостей. Там быстро учили: хочешь выжить — стань стеной. О тебя должны разбиваться, а не ты. Не чувствуй, не привязывайся, не жди, что кто-то придет и спасет. Спасать себя нужно самому.

Он с детства был машиной. Холодной, точной, безотказной. Машинам не больно, машинам не страшно, машины не смотрят на чужих девчонок с дурацким блеском в глазах. Машины выполняют приказы. А он? Он вляпался. По уши. В какое — то дурацкое человеческое чувство, от которого отвык настолько, что даже названия ему не помнил. И все потому, что в шестеренки этой машины попал песок: приказ Оберона учить девчонку.

Надо же додуматься — отправить смазливую малявку в камеру к пожизненно осужденному убийце и убедить себя, что это исключительно из педагогических соображений! Хотя, себе — то зачем врать? В надежде на «несчастный» случай.

«Блестяще, Карминский. Bravo».

Ведь знал: если Линарес решит убить — он убьет. Без истерики, без крика. Просто потому, что может.

Человеку с пожизненным приговором невозможно угрожать будущим. У него его нет. И семьи тоже нет.

Карминский остановился у двери камеры, глядя на маленькое зарешеченное окошко.

Вариант первый — газ. Отбрасываем. Линарес не идиот. Малейший запах — и шея девочки хрустнет раньше, чем охрана успеет надеть маски.

Вариант второй — отключение света и одновременный штурм.

Пять секунд хаоса. Этого достаточно, чтобы сломать Юлиане позвоночник.

Астарот не простит. Отбрасываем.

Вариант третий – выманить. Угрозой или чувством безопасности?

Он вспомнил ее взгляд — затравленный, но неподатливый. Она будет держаться. Упрется, сцепит зубы и будет стоять до последнего — просто потому, что иначе не умеет.

Значит, давить бесполезно. Ее придется не ломать, а подтачивать. Тихо. Осторожно. Так, чтобы ни один шепот не долетел до короля.

Карминский почти усмехнулся. Она хочет спасти? Пусть спасает. Он даст ей эту возможность. Отдаст ей то, что для него ничего не стоит, — чью— то жизнь. Одну, две, сколько потребуется. И она непременно на это купится.

А может, и торговаться с ней не придется, если Линарес ее изнасилует. Девчонки обычно никому не рассказывают о таких вещах, боясь позора.

Он припал ухом к двери, надеясь услышать ее крики или скрип нар, но в камере все было спокойно. Скверно! Похоже, он переоценил свирепость этого типа. А может быть, тот просто зажал ей рот и сейчас молча тискает ее? Хорошо бы!

Он снова прижался ухом к двери, вдавился так, что заболела скула, но вместо девичьих воплей услышал звонок телефона.

Карминский дернулся, едва не стукнувшись виском о косяк. Вытащил трубку, глянул на экран. Снова Оберон. Пришлось взять.

— Здравствуй, Эдмунд! Я приехал в академию проведать Юлиану, но не нашел ни ее, ни тебя. Где вы?

Карминский скрипнул зубами так, что челюсть заныла. Вот же черт! Именно сейчас! Когда каждая минута на счету!

— В тюрьме, — буркнул он, стараясь, чтобы голос звучал максимально буднично. — У меня здесь допрос. Вот и решил совместить: и показания взять, и ее на примере поучить.

— Ты спятил?! — возмутился король. — Нашел с чего начинать первый учебный день! Хочешь мне ее заикой сделать?

Карминский поморщился. Оберон говорил громко, визгливо, как баба на базаре.

— Ваше величество, я инкатор, а не педагог! — огрызнулся он. — И я понятия не имею, как учат кисейных барышень! Делаю, как могу, как учили меня самого! А если вас это не устраивает, подберите ей более подходящую няньку!

— Ею останешься ты! — обрубил Оберон. — А теперь дай мне поговорить с нею!

Карминский глянул на дверь камеры. Оттуда по— прежнему не доносилось ни звука.

— Не могу. Она в обмороке, — соврал он. — Очнется — сама позвонит!

В трубке повисла пауза. А потом Оберона прорвало. Карминский даже отодвинул телефон от уха — такой густой и сочной была королевская брань. Исчерпав ее запас, монарх свистящим полусшепотом предупредил:

— Эдмунд, эта девочка для нас с сыном драгоценна, и не дай Бог ты своими фокусами загубишь ее! Даже если на нее вдруг упадет метеорит, винить в этом я буду исключительно

тебя! Я прекрасно понимаю, зачем ты это делаешь, но помни — вредя ей, ты вредишь себе! Я признаю, что тебе в своем ремесле нет равных, но не думай, что из— за этого тебе все можно!

— Вы ошибаетесь, — без тени эмоций произнес Карминский. — Мне все можно не потому, что я лучший, а потому, что четырнадцать лет назад у нас появилась общая точка невозврата. И мы оба это помним.

На том конце провода повисла тяжелая тишина. Оберон молчал так долго, что Карминский уже решил: разъединилось. Но король заговорил — тихо, устало, будто диктовал завещание.

— Эдмунд, не будь таким эгоистом. Ты стареешь, и тебе нужна смена. А моему сыну понадобится свой инкатор. И ты лучше, чем кто— либо, понимаешь, что значит «свой». Пойми, Юлиана идеально подходит для Энтони! Тесты подтвердили: ее тип мышления — тот самый. Сделай в своей жизни хоть одно доброе дело — оставь достойного преемника, которым ты бы мог гордиться! Ты ведь сам хотел ученика...

— Вот именно, ученика! А не четырнадцатилетнюю девчонку, которая...

— Неважно, кого ты хотел! В общем, я жду ее звонка! — оборвал его Оберон и отбился. Карминский медленно убрал телефон и с чувством, смакуя каждое слово, процедил:

— Чтоб тебя артрит всего скрутил! И руки отнялись. Обе. По локоть.

Не поворачивая головы в сторону охранника, бросил через плечо, будто сплюнул:

— Собирай людей на всякий случай. Пойдем забирать твою ненаглядную. А то решит, что тут санаторий.

А тем временем в камере Линарес раскладывал на столе содержимое корзины. Клубника в пластиковом контейнере, стейк в бумаге, овощи, бутылка сока, бутылка колы.

Он понюхал клубнику, закатил глаза.

— Сто лет не ел. Если б не ты, забыл бы, что она существует.

Пододвинул контейнер к Юлиане.

— Налетай. Сейчас мы отметим наше знакомство по первому разряду!

— Спасибо, не хочется.

Эктор прищурился, глянул на нее поверх контейнера.

— Боишься, что скоро придется возвращаться к нему?

Юлиана сцепила пальцы так, что побелели костяшки.

— Он заставит нас очень дорого заплатить за каждую минуту ожидания! Лучше бы вы позволили мне выйти сразу!

— Нет. — Эктор покачал головой и начал раскладывать стейк с овощами, будто сервировал стол в ресторане. — Надо, чтоб запомнил. Чтоб думал в следующий раз, прежде чем запирать тебя с бандитом.

— Вы не понимаете...

— Это ты не понимаешь. — Он поднял палец. — Ты — протееже самого короля. Думаешь, Жнецу так просто все сойдет с рук? Чем дольше ты тут, тем больше шансов, что король хватится. Узнает, как его драгоценную девочку чуть не угробили. И тогда либо даст тебе другого наставника, либо так надерет Карминскому задницу, что у того отпадет любое желание тебе вредить.

Девочка замотала головой, не поднимая глаз.

— Спасибо вам за заботу, но лучше бы вы этого не делали. Ничего хорошего все равно не получится.

— Ешь, — кивнул он на тарелку.

— Я не могу. Кусок в горло не полезет.

Эктор вздохнул, отодвинул тарелку и сел напротив.

— До того, как получить свой срок, я был следователем. Не слишком хорошим и не слишком правильным, но совсем не глупым. Пока мы тут с тобой знакомились, Карминский разговаривал по телефону и твое имя упоминали — слух у меня отличный, дай Бог каждому! И разговор у него состоялся очень нервный, на повышенных тонах. А кто бы посмел так разозлить инкатора, кроме короля?

Юлиана заинтересованно подняла глаза.

— Дальше — просто. — Он загнул палец. — Король интересуется, как у тебя дела. Хочет поговорить. А ты — у меня. Он нервничает. Требует тебя. А я не даю. И чем дольше ты у меня, тем громче будет скандал.

В глазах Юлианы поселился ужас. Не за себя.

— Вы хоть понимаете, что он с вами сделает?

Эктор усмехнулся и налил воду в бокал, который блестел, как зеркало.

— Понимаю. Поэтому есть это не буду. — Он кивнул на корзину. — Травят редко, а усыпляют — часто. Усну — проснусь уже у него в гостях, а мне туда не надо.

Он подошел и сел рядом с ней. Обнял за плечи. Она не отдернулась — прильнула, как к единственному источнику тепла в холоде.

— Ласточка, — тихо сказал он, — научись наслаждаться жизнью в любой ее момент и цени каждую выпадающую тебе радость, даже самую маленькую! Ты жива?

— Да.

— Здорова?

Она кивнула.

— Больно?

— Нет.

— Вот и все. Остальное — туман. Река.

— Какая река?

— Река жизни. Представь: ты на одном берегу. Тебе нужно на другой. У тебя лодка. Ты оттолкнулась — и прошлого больше нет. Оно осталось там. Ты туда не вернешься, даже если очень хотела бы. Есть только лодка. Только сейчас. Так что живи настоящим и не трави себе душу тем, что может никогда и не произойти!

— Но я не могу не думать о будущем! — выкрикнула Юлиана. — Я все время представляю, что он сделает с вами!

— Представляешь? — Эктор усмехнулся. — А я вот представлял, что убью любого, кто сюда войдет. И что? Вошла ты. Сидим, разговариваем. Я тебя клубничкой угощаю. Ты отказываешься. Я философствую. — Он постучал пальцем по столу. — Есть тарелка. Еда. Я. Ты. Воздух. Это есть. Остального — нет. Карминского тут нет. Его мести тут нет. Если ты сейчас сбежишь мысленно к этому уроду — ты проиграла. Ты хочешь, чтоб он победил, даже не заходя в камеру?

Она уткнулась лицом ему в грудь. Он гладил ее по голове, глядя куда — то вверх.

— Знаешь, чему я радуюсь в тюрьме?

Девочка мотнула головой.

— Тому, что у меня есть крыша над головой. Что я не на улице. Что меня кормят. По— своему, но заботятся. Ты пробовала хоть день не знать, где спать и что есть?

— Нет.

— Дай бог не попробуешь.

Он поднял стакан с водой, глянул через него на свет.

— А еще я безумно рад, что буду обедать с будущим инкатором. Неслыханная честь для меня.

Она слабо улыбнулась сквозь слезы.

— Вашему оптимизму можно позавидовать.

— Учись, — он подмигнул. — Пригодится. А то очерствеешь и превратишься в ледяного демона, как все инкаторы: будешь дирижировать палачами и считать, что это просто работа.

Девочка сжала голову руками.

— Я не хочу быть такой. Я вообще не хочу быть инкатором. Я хочу домой. В школу.

— Хотеть можно. Но река уже понесла. Гребь туда, куда надо. А берега выбирать не приходится.

Линарес отпил еще глоток воды.

— А почему не сок или колу? — спросила девочка, выразительно глядя на торчавшие из корзины бутылки.

— Ни к чему больше не прикаснусь, пока не передам тебя в руки королю.

— Королю?

— Да, только ему. Когда истечет выторгованный мною час, я объявлю Карминскому о своем новом требовании.

— Так вы все это делали специально? — опешила Юлиана.

Эктор ухмыльнулся и поднял стакан с водой. Произнес тост:

— За первого в мире справедливого инкатора!

В дверь постучали.

Не тот глухой стук охранника. Другой – требовательный, спокойный.

— Мистер Линарес, это король. Позвольте моей воспитаннице выйти в холл.

Юлиана дернулась. Эктор замер с бокалом в руке.

— Вот тебе и туман будущего, — пробормотал он.

Девочка подошла к двери.

— Можно?

Линарес секунду смотрел на нее — так, словно пытался запомнить.

— Лети, ласточка.

Он шагнул к ней, притянул к себе на секунду. Крепко. Зная, что больше никогда не увидятся.

— Сделай там революцию. В вашей чертовой инкатории.

Она кивнула, вытирая слезы.

— Я постараюсь. Спасибо вам.

Эктор легонько подтолкнул ее к двери и крикнул:

— Забирайте свое сокровище, пока я не передумал.

Глава 8

Дверь распахнулась. Юлиана едва успела сделать шаг — Оберон уже притянул ее к себе, прижал крепко, почти судорожно, будто проверяя, настоящая ли.

Сидя на подоконнике, Карминский с презрительной ухмылкой наблюдал за этой сценой и мысленно прикидывал, кого благодарить за внезапное появление монарха. Долго думать не пришлось — по вызывающему взгляду защищавшего девчонку надзирателя было понятно, что это его работа. Оставалось понять одно — каким образом этому тюремному псу удалось выйти на короля напрямую.

— Милая моя... — выдохнул Оберон, зарываясь лицом в ее волосы. — С тобой все хорошо?

Она кивнула, но его руки все равно не ослабли. Только через несколько секунд он отстранил ее на вытянутые руки — взгляд быстро скользнул по лицу, плечам... остановился на перевязанной кисти.

Оберон бросил гневный взгляд на закрывавшего своей фигурой весь дверной проем заключенного.

— Что ты с ней сделал? — сквозь зубы процедил он.

Юлиана шагнула вперед, заслоня Линареса собой.

— Это не он.

— Это я! — клоунски отозвался Карминский. Он спрыгнул с подоконника и неторопливо подошел ближе. — За неимением детского креслица с мягкими фиксаторами, пришлось воспользоваться наручниками. Исключительно в образовательных целях. Чтобы ваше дитя сидело во время урока на месте, а не бегало с воплями по классу.

Оберон скрипнул зубами. В виске дернулась жила.

— Идем отсюда, — произнес он, обращаясь одновременно к обоим. — Разговор продолжим в другом месте.

— О, с удовольствием, — усмехнулся Карминский. — Я люблю содержательные беседы.

Проходя мимо надзирателя, он весело подмигнул ему. Тот дернулся, будто от пощечины.

Юлиана перехватила этот взгляд — и внутри все оборвалось. Она вдруг поняла, что будет дальше. С Линаресом. С этим охранником, имени которого она даже не знала. Со всеми, кто посмел ее защищать.

Она развернулась и, не зная имени, указала рукой на надзирателя:

— Ваше величество, я не уйду без Эктора и этого человека!

Карминский хмыкнул и одобрительно покачал головой:

— А ты быстро учишься!

Астарот нахмурился. Ему хотелось совсем другого разговора — жесткого, личного, без свидетелей. Возиться с охранником и заключенным в его планы не входило.

— Почему ты заступаешься за убийцу, который держал тебя в заложниках? — удивился он.

Юлиана вскинула подбородок.

— Потому что он обращался со мной по— человечески. Он защищал меня, как мог. Я не хочу, чтобы он пострадал из— за меня!

Оберон помолчал секунду, потом коротко кивнул надзирателю:

— Подготовьте Линареса к транспортировке. Вы поедете с ним следом за нами. Я учту вашу... инициативу. В знак благодарности за заботу о Юлиане.

Затем его взгляд вернулся к Карминскому.

— Эдмунд, где здесь можно поговорить без лишних ушей?

Карминский молча пошел вперед, даже не обернувшись проверить, идут ли за ним. Шаги за спиной сказали ему, что идут.

Он толкнул дверь, и Юлиана замерла на пороге.

Та самая комната. Те же стены. Та же скучная обстановка. Тот же стул, на котором сидел Станг, пока...

Она поежилась и отвернулась. В комнате успели прибрать — ни крови, ни следов. Но стены помнили. Она тоже помнила.

Оберон вошел следом, окинул помещение быстрым взглядом и сел на единственный стул. Карминский остался стоять — вольготно, прислонившись плечом к стене, руки в карманах.

Король поднял на него глаза. Голос был сухой, как пыль на полу.

— А теперь, Эдмунд, — Я жажду услышать твои объяснения. Зачем ты закрыл Юлиану в камере с убийцей?

Карминский недоуменно пожал плечами.

— Ваш информатор вам наврал. Все было несколько иначе: я собирался лично успокоить Линареса, но Юлиана пожелала сделать это сама. У нас состоялся короткий спор, в ходе которого она заявила, что мои методы для нее неприемлемы, и она предпочитает утихомирить буяна без меня.

Он повернул голову к девочке:

— Разве не так все было?

Юлиана стиснула зубы. Так. По словам — так.

Она кивнула.

Карминский развел руками:

— Она вообще что угодно готова сделать, лишь бы отлынуть от занятий, на которых вы так настаиваете!

— Потому что они невыносимы! — вырвалось у Юлианы раньше, чем она успела подумать.

Инкатор вскинул руки в жесте полного бессилия и капитуляции.

— Вот! Теперь вы сами видите, ваше величество, как она относится к урокам! Я ужасен, и то, что я делаю, тоже ужасно! Как мне ее обучать при таком неуважении?

Оберон издал звук, похожий на скрежет несмазанных шестеренок и попросил:

— Юлиана, выйди ненадолго.

Дверь закрылась, и король взорвался:

— Эдмунд, ты что творишь?! Ей четырнадцать лет! Нельзя было начать с чего — то попроще?

Карминский снова пожал плечами. Спокойно, даже лениво.

— Зачем? Чтобы потом оказалось, что реальность отличается от ваших педагогических фантазий? Я не вижу смысла лгать. Она должна знать, куда вы ее толкаете. Возможно, тогда у нее хватит здравого смысла отговорить вас от этой блестящей идеи.

Пусть сразу с головой ныряет в ту зловонную помойку, в которой я барахтаюсь больше тридцати лет. Выплывет — хорошо. А утонет — не жалко.

Он сделал паузу. Уголок рта дернулся в усмешке.

— Что бы с ней не произошло, это случится по вашей воле, а не по моей. Ведь вы ей выбрали этот путь.

Оберон стиснул подлокотники стула:

— Можно подумать, твоя работа состоит из одних допросов!

— О да! — Карминский растянул губы в кривой улыбке. — Не только из них. В следующий раз возьму ее с собой подавлять мятеж. Уверен, она будет в восторге.

— Ты можешь не ерничать хотя бы минуту? — вспыхнул Оберон. — Я прошу об одном: учитывать ее возраст. Это что, непосильная задача?

Жнец опустил голову с нарочитым раскаянием.

— Простите меня, Ваше величество, я и впрямь слегка перегнул палку! Юлиана и правда еще ребенок, а мне кто— то говорил, что детей нужно учить в игровой форме. Поэтому завтра мы с ней устроим занятие на детской площадке! Сложим в песочнице пазл из фрагментов тела Линареса...

— Эдмунд!

— Что? — Карминский округлил глаза. — В песочнице нельзя? Ах да, недобросовестные хозяева вечно выгуливают там своих собак! Негигиенично! — Он задумчиво почесал подбородок. — Тогда устроим пикник на природе! Посадим какую—нибудь валькинорскую шпиронку на муравейник — женщины так умилительно визжат при виде букашек! А для создания радостной атмосферы наденем ей на голову цветной колпачок и привяжем к шее и рукам воздушные шарики. Потом разожжем костер — для уюта, разумеется...

— Заткнись! — процедил Оберон сквозь зубы.

Он встал со стула. Подошел вплотную.

— С этого дня вы занимаетесь раз в неделю! Будете постепенно привыкать друг к другу. В ближайшие два года никаких практических занятий! Только теория, и только в университете! Тебе все понятно, Эдмунд?

Карминский молчал, глядя куда—то поверх его плеча.

— И ты ни пальцем, ни словом не тронешь ни Линареса, ни позвонившего мне Диаса! Оставишь их в покое!

Жнец перевел взгляд на короля. В глазах плескался лед.

— Ни пальцем, ни словом! — послушно повторил он. — Есть куда более эффективные приемы обеспечить им покой.

Оберон топнул ногой.

— Прекрати фиглярствовать! Ты прекрасно понял, что я имел в виду!

Он выдохнул, сбрасывая напряжение, и заговорил тише — но от этой тишины в комнате стало холоднее.

— И еще. Я тебе это уже говорил однажды, но повторю снова, в последний раз, потому что ты, как мне кажется, в первый раз меня не расслышал. Видимо, виной тому старческая тугоухость.

Глаза инкатора колюче блеснули, но он смолчал.

Астарот шагнул к нему вплотную. Теперь они стояли лицом к лицу, почти нос к носу.

— Эта девочка мне гораздо дороже, чем ты, Эдмунд! — тихо, но с нажимом на каждом слове произнес Оберон. — Она слишком много значит для моего сына, чтобы я позволил тебе избавиться от нее. То, какой будет твоя старость, напрямую зависит от того, насколько хорошим инкатором она станет. Если она умрет — ты отправишься следом. И если она по твоей вине не оправдает моих надежд, то произойдет то же самое!

Тонкие губы Жнеца дрогнули.

— Можете хоть сейчас меня казнить, — тихо произнес он. — Она не оправдает ваших ожиданий. Никогда.

Улыбка Оберона была широкой — и совершенно пустой.

— А ты постарайся, дорогой! Я в тебя верю! И в средствах особо не ограничиваю. Условия просты: чтобы она была живая, здоровая и пригодная для этой должности. Это не много. Ты и не с такими поручениями справлялся. Но помни: два года никакой практики.

Он вышел из комнаты, желая, как можно скорее увезти Юлиану из этого места.

Карминский проводил его долгим, задумчиво—меланхоличным взглядом — так смотрят не вслед человеку, а вслед изменившемуся раскладу.

Сегодня он допустил просчет. Второй ошибки он себе не позволит.

Юлиана все еще была проблемой. Но уже не такой простой, как ему казалось в восемь ноль—ноль.

Глава 9

Для Юлианы университет начался с пустоты. Не с лекций, не со знакомств. Не с нового этапа жизни — а с вежливого, аккуратного отчуждения. С ней здоровались. Ей отвечали. Ей улыбались. И тут же исчезали.

Её близость к Карминскому была клеймом. Его опасались, к ней относились почти так же: не трогать, не подходить, не связываться.

В столовой за её спиной всегда возникала тишина. Не враждебная — настороженная. Студенты разговаривали, смеялись, спорили — но стоило ей появиться с подносом, как голоса становились тише, а взгляды уползали в стороны. Никто не хотел сидеть рядом. Никто не хотел даже случайно задеть её плечом в очереди.

Она пробовала не замечать. Пробовала улыбаться первой. Пробовала делать вид, что ей всё равно. Ничего не работало.

Так прошёл месяц. Потом другой.

Одиночество выедало Юлиану изнутри — медленно, методично, будто внутри поселилось зубастое чудовище. К четырем часам она освобождалась от лекций, возвращалась в свой белый дом под ивой и садилась у окна с учебниками. Но страницы расплывались, потому что взгляд сам собой уходил на улицу — туда, где мимо проходили студенты. Живые. Громкие. Чужие.

Ей хотелось выбежать. Распахнуть дверь, окликнуть кого-нибудь, навязаться: пойдёмте гулять, расскажите новости, дайте просто постоять рядом, послушать, подышать одним воздухом. Она представляла это так ярко, что сердце начинало колотиться быстрее. А потом представляла другое: вежливый взгляд сквозь нее, быстрые извинения, чужие спины, уходящие по аллее.

Не надо. Глупо. Смешно. Унизительно. Её снова отвергнут, и будет ещё больнее.

Она оставалась у окна. Студенты проходили мимо.

Иногда она садилась на пол спальни, прислонялась спиной к стене и смотрела в потолок. В школе, где она жила раньше, всегда было шумно: кто-то учил билеты вслух, кто-то ссорился из-за телефона, кто-то слушал музыку без наушников. Это бесило. Теперь тишина бесила сильнее.

Линарес учил её жить сегодняшним днём, не оглядываться, не жалеть. Но именно теперь прошлое казалось спасением. Тесная комната на троих, вечные споры из-за света и уборки — всё это вдруг стало почти счастливым временем. Там рядом дышали другие люди.

Здесь ей выделили отдельный дом. Две комнаты, кухня, ванная.

— Герцогиня не может жить в общежитии. Теперь у тебя всё будет только по высшему разряду, — сказал Оберон.

Так и есть—высший разряд одиночества. Обменять бы это все на возможность избавиться от Карминского.

Каждая встреча с ним опустошала Юлиану на неделю вперед. Рядом с ним она ощущала себя сосудом, который он раз за разом осушал до дна, истощая те немногие запасы счастья, которые она скопила за свою недолгую жизнь.

Он обрушил на неё тонны учебников, справочников, сводов законов. Читать, запоминать, пересказывать — и снова. Он не объяснял, зачем это нужно — он проверял и смотрел на неё своими выцветшими глазами так, будто ждал, когда она сломается.

Она не ломалась. Но внутри что-то скрипело.

— Бездарность, — сказал он на пятый день, пролистав её конспект. — Его величество явно перепутал университет с приютом для сирот. Не понимаю, на что он рассчитывал.

Она молчала —с ним лучше молчать. Любое слово, любая эмоция становились оружием в его руках.

— Перепиши.

Он уходил, оставляя после себя пустоту, которая заполняла комнату, как вода — тонущий корабль.

К концу месяца она перестала ждать чуда. Энтони не появлялся. Он звонил дважды — и оба раза говорил только о себе. О том, как отец загрузил его учебкой, как надоели эти дурацкие приёмы, как он устал от всего. Она слушала, сжимая трубку так, что немели пальцы, и ждала вопроса: «А ты как?» Вопрос не прозвучал ни разу. На десятой минуте первого звонка он сказал: «Ладно, сестрёнка, мне пора, целую», — и отключился.

Она просидела с погасшим мобильником в руке ещё минут пять. Потом положила его на стол и пошла читать древнюю историю Талинальдии. Зачем — она не знала. Но Карминский спросит. Он всегда спрашивал.

Новости она узнавала из газет, которые оставляла прислуга. Страна стояла на краю — это было написано между строк даже в самых оптимистичных статьях. Санкции душили экономику, заводы закрывались, люди теряли работу. Оберон метался, как загнанный зверь, хватаясь то за одних союзников, то за других.

А потом газеты запестрели именами: Мортон Альбины, Альфред Моррей. Асакурийские олигархи, которые вдруг стали частыми гостями во дворце. Юлиана же, напротив, перестала появляться в нем —Астароты словно забыли о ней. Едва ли их можно было в этом винить: страна была на грани очередного мощного кризиса.

А ведь еще пятнадцать лет Талинальдия была богатейшей державой мира — диктовала условия, устанавливала правила.

Падение началось с чуда: однажды на орбите появился звездолёт. Совершенно исправный, совершенно пустой. Его назвали «Мечтой».

Мир ликовал настолько, что изменил летоисчисление — началась Звёздная эра.

Талинальдийцы первыми добрались до корабля и объявили его своей собственностью. Мир ответил санкциями.

Так родилось Объединение Независимых Государств — ОНГ.

И так началась блокада.

Чтобы «Мечту» не попытались отнять силой, страна наращивала военную мощь.

В навигаторе корабля были координаты планеты Эллиум. Туда и отправили первую экспедицию, которую возглавил принц Оберон.

Через год «Мечта» вернулась — без чудес, без трофеев, без технологий.

Хмурый экипаж сухо поведал прессе о том, что эллианцы приняли их крайне недружелюбно, и им пришлось спасаться бегством.

ОНГ снова потребовало передать корабль в общее пользование.

Старый король согласился. Толпа — нет.

Бунт был быстрым и страшным. Дворец захватили, короля и министров убили.

Оберон выжил чудом. Он объявил, что выполнит обещание отца и передаст корабль, но через несколько дней экстремисты подорвали «Мечту», чтобы она не досталась никому.

Это акт вандализма потряс весь мир, и Талинальдии объявили всеобщий бессрочный бойкот.

Оберон получил страну на грани экономического краха. Попытка перейти на самообеспечение провалилась. Переговоры с соседями шли мучительно. Отношения удалось наладить лишь с третью государств. И даже это, по слухам, было заслугой Карминского. Что именно тот обещал союзникам, не знал даже король. Знал лишь одно —спрос на его услуги был везде.

Дышать стране стало чуть легче, но недостаточно. И вот теперь – союз с ассакурийцами.

Тони как-то обмолвился: инкаторы Хиггинс и Витовский уперлись, требовали аннулировать соглашение, говорили о рисках, о прецеденте, о том, что король зашел слишком далеко. Но Карминский неожиданно встал на сторону Оберона. Сказал, что инкаторы не для того существуют, чтобы указывать королю — их дело помогать.

И вскоре в казне появились деньги. Оберон выдохнул.

Иногда, лежа ночью в кровати и слушая, как ива царапает ветками стекло, Юлиана возвращалась к этому разговору. Что движет Карминским? Искренняя поддержка короля? Усталость от чужого упрямства? Или тонкий расчет — сделать вид, что он спасает положение, чтобы потом напомнить об этом в самый неудобный момент?

А может, все проще и грязнее: тихая месть Оберону за навязанную ученицу?

Впрочем, какая разница. В этой игре мотивы редко совпадают с поступками, а благодарность почти всегда оборачивается обязательством.

Однажды в библиотеке, проходя между стеллажами, она услышала за спиной шепот:

— Королевская шлюха.

Она обернулась. Никого. Только тени и стеллажи, уходящие в полумрак.

В тот вечер она долго смотрела на себя в зеркало. Волосы цвета смолы, гладкие, блестящие. Серые глаза, которые когда-то называли красивыми. Фигура — вроде все на месте. Но парни на нее не смотрят. Никто не смотрит. Для них она не девушка, не человек — она вещь, прибитая к имени Карминского.

«Королевская шлюха».

Она не заплакала. Уже не могла.

В конце второго месяца ей приснился Линарес. Он сидел на нарах и улыбался той самой кривой улыбкой.

— Чего нос повесила, ласточка? — спросил он во сне. — Жива? Здорова? Ну и ладно. Остальное — туман.

Она проснулась с мокрыми щеками. Ива качалась под ветром. За ней, на горизонте, виднелись башни столицы — там, где жил Энтони, который больше не спрашивал, как у неё дела.

Интересно, Линарес знал, что туман бывает разный? Тот, в котором можно заблудиться. И тот, в котором задыхаются. Её туман был вторым.

Юлиана лежала с открытыми глазами и смотрела в потолок. Плакать больше не хотелось. Хотелось просто не быть.

Глава 10

— Хватит страдать!

Юлиана сказала это вслух — резко, зло, чтобы услышать собственный голос. Встала, отдернула штору, подошла к книжному шкафу. Нужно подготовиться к завтрашнему занятию.

Девочка провела пальцами по корешкам — и не смогла прочитать ни одного названия. Текст расплывался, превращался в цветные пятна.

— Да что ж такое?

Соленая капля скользнула по губе. Только теперь она поняла, что плачет.

— Не реви! — приказала она себе. — У тебя все хорошо. Есть крыша над головой, есть еда, тебе не больно.

«Больно, — ответило что-то внутри. — Очень больно».

Она прошла на кухню и включила чайник — единственный прибор, который ей был действительно нужен. Пока закипал — подошла к окну и замерла. По аллее к клубу, где должен был состояться вокальный конкурс, шли студенты. Они громко смеялись, толкались, обсуждали запланированную на вечер дискотеку.

В голову закралась опасная, почти сладкая мысль — а если и ей пойти туда? Без мундира, без титула, без знаков отличия, которые отпугивают ещё на расстоянии. Просто девушка в красивом платье, которую никто не знает. Которая может быть кем угодно. Даже собой настоящей.

Спину словно окатили ледяным градом, но уголки губ предательски поползли вверх.

— А почему бы и нет? — шепнула она пустой кухне.

Юлиана резко выключила чайник, плеснула в лицо холодной воды, словно смывая сомнения, и распахнула шкаф. Выбор был невелик. Пальцы сами остановились на сочно-красном платье с простым, но безупречным кроем. Ткань плотно обнимала грудь, мягко расходилась книзу и останавливалась у колен. Слишком заметное. Слишком смелое.

Идеально.

С волосами пришлось бороться. Фен гудел, пряди выskalзывали из пальцев, объёма упрямо не получалось. Она хмурилась, начинала заново, злилась на собственную неумелость.

Наконец волосы легли так, как нужно: живо, чуть небрежно. Часть лица осталась в тени челки — будто тайна.

Туфли на высоком каблуке она надевала редко. Остальная обувь была дорогой, безупречно удобной — и совершенно скучной. Эти же заставили выпрямиться, чуть изменить походку, почувствовать себя иначе.

Перед зеркалом она замерла.

Из отражения смотрела незнакомка — яркая, дерзкая, почти вызывающая. Не королевский инструмент, не прилежная ученица, не тень Карминского.

— Ух ты, — выдохнула она одними губами. И уже громче, с тихим торжеством признала: — Как же мне идет красный цвет! Отличная маскировка! Юлиана, теперь у тебя есть шанс.

Она повернулась боком, потом другим, поймала свое отражение в профиль и довольно хмыкнула.

Набросив на плечи черное приталенное пальто, Юлиана выскользнула из дома и чуть ли не бегом припустила по вечернему кампусу. Каблуки выстукивали по мокрому асфальту нервную, счастливую дробь, и этот стук сливался с ритмом ее сердца, готового выпрыгнуть из груди от предвкушения.

Городок казался другим — живым, дышащим, будто готовым принять её в свой шумный разговор.

В воздухе пахло терпкой сыростью недавнего дождя и прелыми листьями — особенным, щемяще-грустным запахом поздней осени. Ветер рвал полы пальто, путался в волосах, толкал в спину — не мешал, а подгонял. И она поддавалась, почти смеясь, почти задыхаясь от странного, щекочущего ощущения свободы.

Музыка ударила в грудь раньше, чем она переступила порог.

Пол вибрировал под ногами. Свет вспыхивал резко, белыми лезвиями разрезая полумрак и выхватывая из него лица, руки, блеск зубов, влажные плечи. Кто-то задел её локтем, кто-то наступил на ногу.

Юлиана замерла у входа. Несколько минут ушло только на то, чтобы глаза привыкли к мельтешению света и тьмы, а легкие — к царапающему горло сигаретному дыму, густо замешанному на сладковатых духах и еще чем-то неуловимо химическом.

Ну вот, она на дискотеке, как и мечтала. А дальше-то что?

Танцевать она не умела. Совсем. Заговорить с кем-то? Да здесь орать надо так, что гланды вылетят, и то не факт, что услышат.

— Эй, крошка, чего застыла? — голос прорвался прямо в ухо, горячий и хриплый.

Юлиана вздрогнула и обернулась.

Перед ней стоял блондин — распахнутая до пупка жёлтая рубашка, самоуверенная улыбка, взгляд цепкий, оценивающий. Он смотрел так, будто уже знал, чем всё закончится.

— Ты же не собираешься танцевать в пальто? Пойдём, сдадим.

Она благодарно кивнула и шагнула следом, вжимая голову в плечи, когда очередная особо буйная парочка едва не впечаталась в нее в экстазе своего танца.

— Пробиваемся! — крикнул блондин ей через плечо, и Юлиана, цепляясь взглядом за его желтую спину-ориентир, нырнула в самую гущу.

В гардеробе было на удивление тихо. Музыка долетала сюда приглушенным, вибрирующим гулом, от которого чуть подрагивал пол, но хотя бы не била по перепонкам. И пусто — ни очереди, ни толкучки.

Пожилая женщина молча приняла пальто, взамен выдав холодный пластиковый номерок.

Пока она возилась с вешалками, парень смотрел на неё — не украдкой, открыто. Его взгляд двигался медленно, оценивающе, задерживался на лице, на линии шеи, на платье.

— Так как тебя зовут? — спросил он. — И почему я тебя раньше здесь не видел?

Вопрос застал врасплох.

Как тебя зовут. Самый простой вопрос на свете. Вопрос, на который трехлетний ребенок отвечает, не задумываясь. А она стояла и молчала, чувствуя, как предательский румянец заливает щеки, шею, даже грудь, наверное.

Что ответить? Правду? Чтобы сразу все испортить? Нет уж!

Ложь? Юлиана вспомнила все свои предыдущие попытки соврать. Каждый раз выходило настолько наигранно, что даже младенцы смотрели с подозрением.

Она опустила глаза и так сжала номерок, что пластик впился в ладонь.

— Н... не знаю, почему не видел, — произнесла она, избегая первой части вопроса.

Он рассмеялся — громко, беззлобно, заразительно.

— Эй, ты покраснела так, будто я предложил тебе провести со мной ночь.

Щёки вспыхнули ещё сильнее — от стыда, от неловкости, от собственной беспомощности.

— Ты — прелесть, — улыбнулся он. — Я еще не встречал здесь такой миленькой стесняшки! Пойдём, познакомлю тебя с друзьями. Им-то имя скажешь? Кстати, я Итан.

Он протянул руку.

— Рада знакомству, — тихо ответила она, так и не назвав себя, и позволила увлечь себя обратно в грохочущий полумрак зала.

Теплая жилистая ладонь Итана сжала ее пальцы, и Юлиана на пару мгновений напрочь забыла, как дышать, не то, что разговаривать. К счастью, пока от нее ничего и не требовалось — парень уверенно лавировал в толпе, таща ее за собой, как буксир маленькую лодочку.

Она пару раз зацепилась каблуками за чьи-то ноги, один раз едва не рухнула, когда какой-то особо рьяный танцор развернулся и врезался в нее спиной, даже не обернувшись. Но Итан держал крепко, и Юлиана, цепляясь за его руку как за спасательный круг, все же вполне благополучно добралась до дальнего угла зала.

Там, на низких диванчиках, оккупировав несколько столиков, расположилась компания.

Восемь человек. Пятеро курили, и их лица почти полностью скрывались за клубами сладковатого, приторного дыма — пахло чем-то фруктовым, неестественным, от чего слегка щипало в носу. Кто-то пил прямо из горла, кто-то болтал, перегибаясь через столик, чтобы расслышать друг друга сквозь музыку.

И тут, как по заказу, диджей зычно рявкнул в микрофон:

— Перерыв десять минут!

Музыка оборвалась. Тишина ударила по ушам — непривычная, звенящая, в которой вдруг стали слышны чужие голоса, смех, звон бокалов, чей-то кашель из дыма.

Тощая девица в обтягивающих джинсах, с лицом, густо заштукатуренным тональником, энергично помахала рукой перед собой, разгоняя дым. Недовольно сощурилась, разглядывая Юлиану.

— Итан, — голос у нее оказался высокий, капризный, — кого это ты к нам притащил? Очередную свою... находку?

— Пока сам не знаю кого! — Итан без тени смущения плюхнулся на диван, увлекая Юлиану за собой. Она приземлилась рядом, чувствуя, как пружины проседают под весом компании. — Но сейчас узнаю! — Он повернулся к ней, сияя белозубой улыбкой. — Так как тебя зовут? Колись уже, а то мои друзья сейчас начнут придумывать тебе клички. А они в этом деле мастера, поверь.

Юлиана открыла рот. Имя уже почти сорвалось — короткое, домашнее, безопасное: Ани. Но язык будто прирос к небу.

Секунда. Вторая.

Она смотрела на Итана, на его друзей, на тощую девицу, которая рассматривала ее с таким видом, будто Юлиана была тараканом, и чувствовала, как щеки снова наливаются жаром. Слова застряли где-то в горле, комком, который невозможно ни проглотить, ни вытолкнуть.

— Нет, вы когда-нибудь видели кого-то более стеснительного? — Итан аж задохнулся от удивления. Он повернулся к компании, разводя руками, потом снова посмотрел на Юлиану, и в его глазах плясали веселые чертики. — Да говори, не бойся! Они не кусаются. Ну, почти.

Кто-то из компании хмыкнул. Тощая девица закатила глаза. Парень в спортивной кофте, сидевший напротив, протянул Юлиане бутылку с чем-то газированным:

— На, выпей. Для храбрости.

Юлиана замотала головой, чувствуя себя полной идиоткой.

Девушка с ярко-алыми губами прищурилась. Дым медленно рассеивался, и её взгляд становился всё внимательнее.

— Подожди... — протянула она, наклоняясь вперед. — Я её где-то видела...

Глава 11

Кто-то хмыкнул.

— Да брось, Эви. Она бы не стояла сейчас здесь, если бы ты её знала.

Но Эви не отвела глаз.

— Нет. Серьёзно. Эти волосы... и лицо... — она щёлкнула пальцами, словно пыталась поймать ускользающую мысль. — Это же...

Сердце Юлианы глухо ударилось о рёбра. Она знала этот момент, когда воздух становится тяжелее. Когда что-то ещё не сказано — но уже произошло.

Повисла пауза. Эви выпрямилась.

— Да ладно... — выдохнула она. — Это та самая!

Сигарета в её пальцах замерла, а потом девушка грубо притянула блондина за рубашку и зашипела ему прямо в лицо:

— Ты совсем рехнулся?! Это же ученица Карминского! Какого дьявола ты привел ее к нам?!

Шипение Эви взрезало недавно повисшую тишину музыкальной паузы, как нож тонкую ткань. К Юлиане повернулись все, кто стоял рядом. Те, кто сидел за соседними столиками. Те, кто просто проходил мимо с бокалами. Десятки глаз — любопытных, враждебных, насмешливых — впились в нее, и она физически ощутила этот взгляд, как удушье.

Юлиана сгорбилась, скукожилась. Вжалась в продавленный диван так, что, казалось, хотела провалиться сквозь него, сквозь пол, сквозь фундамент клуба — куда угодно, лишь бы подальше отсюда. Красное платье, которое еще полчаса назад казалось ей маскарадным костюмом неуязвимости, теперь горело на теле, как клеймо.

Пальцы Итана на секунду ослабли.

— Серьёзно? — он посмотрел на Юлиану уже иначе. Не тепло. Проверяюще.

Кто-то нервно усмехнулся.

— Отлично. Просто отлично.

— Теперь нам не хватает только самого Карминского за соседним столиком, — бросил ещё один.

Итан растерянно заморгал, переводя взгляд с разъяренной Эви на съжившуюся Юлиану. На его симпатичном лице отразилась мучительная работа мысли, явно непривычная для него. А потом он нервно рассмеялся:

— Да быть такого не может, Эви! Ты на неё посмотри. Они даже не похожи!

— Сам глаза раззуй, если ни мозгов, ни памяти нет! — Эви буквально кипела. Ее тощее тело, казалось, вибрировало от злости. — Она хоть и вырядилась, как... как... — Эви обвела Юлиану пренебрежительным жестом, — как дешевая приманка для таких придурков, как ты, но рожу не спрячешь! Теперь она донесет Карминскому о том, что мы курили травку, и нас отчислят! Ты хоть понимаешь, что ты наделал?!

Кто-то тихо отступил на шаг. Кто-то опустил сигарету.

— Точно, это королевская шлюшка! — долетел до ушей герцогини чей-то возбужденный шепот слева. Голос принадлежал парню в бейсболке, надвинутой на глаза.

— С чего ты взял? — зашептали ему в ответ.

— Да это все знают! — бейсболка хмыкнул, явно довольный своей осведомленностью. — Иначе с чего бы из нее решили сделать инкатора?

Шепот разросся, как пожар. Слова "королевская", "шлюшка", "Карминский", "отчислят" перелетали от столика к столику, обрастая новыми, еще более грязными подробностями.

Кто-то уже откровенно смеялся, показывая на Юлиану пальцем. Кто-то смотрел с безразличным любопытством, как на редкое, но омерзительное насекомое.

Стыд обжег Юлиану с силой лесного пожара. Пыхнуло так, что на миг показалось — сейчас задымится платье, вспыхнут волосы, и она превратится в живой факел посреди этого враждебного зала. Глумливое хихиканье за спиной разрасталось, ширилось, перетекало из угла в угол, заполняя пространство до самого потолка. Оно било в уши, въедалось в кожу, оставляло липкие следы на лице и руках.

Огонь бушевал. Выжигал из девочки не только желание завести друзей, не только надежду на нормальное общение со сверстниками, но и само желание жить.

А потом внутри вдруг стало пусто.

Абсолютно, звеняще пусто. И гадко. И грязно. Гарь пересудов закоптила всё нутро черным, липким налетом. Словно она искупалась в помойном ведре и теперь чувствовала каждой клеточкой, как от нее разит чужим презрением.

Юлиана замерла. Опустошенная. Выжженная.

И в этой пустоте, на пепелище, вдруг что-то щелкнуло.

Она медленно выпрямилась. Подняла голову. Взгляд её больше не метался. Голос прозвучал негромко, но отчетливо — каждый слог врезался в повисшую тишину, как удар хлыста:

— Да. Я герцогиня Делайн. Ваш будущий инкатор. — Она сделала паузу, обвела взглядом притихшую компанию Итана, застывших соседей по столикам, тех, кто еще секунду назад давился смехом. — И вы правы. Мне ваша компания действительно не подходит.

Она сама поразила тому, как уверенно, даже надменно звучал ее голос. Ни дрожи. Ни намек на недавнюю панику. Видимо, все же кое-чему научилась за несколько месяцев жизни при дворе.

Слова упали в гущу зала, как камень в стоячее болото — и атмосфера изменилась мгновенно. Шепотки и хихиканье не просто умолкли — они замерзли. Кто-то отвёл глаза. Кто-то поспешно затушил сигарету. Теперь они смотрели на Юлиану иначе. Не как на объект для насмешки — как на человека, от которого будет зависеть их судьба.

Над залом шаровой молнией повисла грозная тишина.

Юлиане эта тишина нравилась. Очень. Она стояла перед замершей толпой — уже без стеснения, без желания провалиться сквозь землю. Стояла, как маленький генерал на поле боя, и смотрела, как враг отступает. А обидчики отступали. Медленно, по сантиметру, они пятились назад, стараясь сделаться незаметнее, раствориться среди других, слиться с толпой, стать пылью под ногами этой странной девочки в красном платье.

Когда ей это наскучило, Юлиана перевела взгляд на Итана.

Его желтая рубашка больше не выглядела вызывающе — теперь она казалась просто тряпкой на растерянном, притихшем парне.

— Проводи меня, — приказала Юлиана. Не попросила — приказала. Тонем, не терпящим возражений.

Итан судорожно кивнул и шагнул вперед.

Толпа, через которую Юлиана несколько минут назад продиралась с таким трудом, расступилась, как воды моря перед пророком. Ей даже не пришлось делать лишних движений — люди шарахались в стороны, освобождая широкий коридор к выходу. На нее боялись даже смотреть.

Блондин послушно провел ее до самого дома. По дороге не проронил ни слова — только иногда косился с таким выражением, будто рядом с ним шагало инопланетное существо, которое в любой момент может уничтожить планету. Юлиана молчала тоже. Ей нечего было ему сказать.

У дверей он почтительно попрощался — пробормотал что-то невнятное и испарился в ночи.

Юлиана осталась одна. Только теперь она позволила себе выдохнуть. Дрожь, которую она так старательно сдерживала всю дорогу, наконец прорвалась наружу — мелкая, противная, предательская.

Пустота внутри никуда не делась. Она просто стала глубже и тише.

Юлиана долго стояла у темного окна, вглядываясь в свое отражение. Красное платье, туфли на высоком каблуке, растрепанные ветром волосы — все это казалось сейчас чужим, взятым напрокат у какой-то другой девчонки, более смелой и легкомысленной.

Она расстегнула молнию на платье, и красная ткань упала к ногам бесшумной лужицей. На секунду задержалась на ней взглядом. Еще утром это платье казалось ей пропуском в другую жизнь. В жизнь, где можно быть просто девушкой, танцевать, знакомиться, смеяться над глупыми шутками.

Оказалось, пропуск не действителен.

— Ну что ж, — сказала она сама себе. — Попытка была. Провальная, глупая, детская. Но была. Больше не повторится.

Юлиана перешагнула через платье, как перешагнула через свое желание обрести друзей.

Если дружба начинается с унижения, значит, это слишком дорогая роскошь. Она не позволит себе зависеть от чужого одобрения. Не позволит ждать взглядов, ловить улыбки, искать поддержки у тех, кто завтра же плюнет в спину. Не будет доказывать, что она достойна, что она своя, что она нормальная.

Она не нормальная. Она герцогиня. Она будущий инкатор. И если для того, чтобы быть собой, нужно быть одной — значит, будет одной.

В тот вечер Юлиана запретила себе искать дружбу. Не вслух, без клятв и драматических жестов. Просто аккуратно, как закрывают книгу, которую больше не собираются открывать.

Глава 12

Наступил апрель. Солнце, как ответственный дворник, до капли высушило размокшие лужайки и выманило из почек деревьев прятавшуюся там листву. Уставшие от холода и слякоти студенты все охотнее выбирались на улицу, чтобы порадоваться долгожданному теплу. Смех катился по дорожкам, перескакивал через клумбы, цеплялся за стены корпусов. Куртки растёгнуты, голоса громче обычного, шаги легче. Весна давала иллюзию, что всё можно начать заново.

Юлиана брела в учебный корпус, прижимая к груди папку с тетрадями. Ветер трепал выбившуюся прядь, солнце било в глаза, но она почти не чувствовала ни того ни другого. Мимо то и дело проносились веселые компании — толкались, пересмеивались, обсуждали какие-то свои неважные, но такие важные для них дела. Кто-то жестикулировал, расплескивая кофе из стаканчика. Кто-то хохотал так заразительно, что хотелось обернуться. Кто-то просто шел под руку и молчал, но даже в этом молчании чувствовалась та особенная близость, которая бывает только у своих.

Юлиана невольно замедляла шаг. Смотрела. И каждый раз отводила взгляд, когда кто-нибудь замечал её пристальное внимание. Внутри что-то ныло — тупо, по-щенячьи, жалко. Зависть не была резкой — она была тягучей, как весенняя грязь. Тянула вниз, липла к обуви. Ей хотелось просто идти рядом с кем-то. Слушать бессмысленный разговор. Перебивать. Смеяться не потому, что нужно, а потому что смешно.

Она запретила себе дружбу, но тоска по простым человеческим разговорам никуда не делась. Она жила где-то под ребрами и выползала наружу именно в такие моменты, когда солнце дурацки светило, а все вокруг были счастливы.

— Так и будешь пялиться на них, — раздался совсем рядом с ней издевательский голос Карминского, — или все-таки попробуешь что-то сделать, чтобы изменить их отношение к тебе?

Голос вплеся в ее мысли с той особенной интонацией, которую невозможно спутать ни с чем — смесь ледяного сарказма и легкого любопытства, будто он наблюдал за ней уже давно и наконец решил прокомментировать.

Юлиана вздрогнула и обернулась.

— Я тоже не рад тебя видеть! — поравнявшись с ней, хмуро бросил инкатор. — Но, несмотря на это, нам придется терпеть друг друга, пока смерть не разлучит нас. Надеюсь, не моя.

— Почему так долго? — вырвалось у нее. Она прибавила шаг, чтобы не отставать от него.

— Потому что в том невероятном случае, если ты все-таки выучишься, нам придется работать бок о бок в инкатории. Не кривись — я тоже от этого не в восторге! И вообще, потрудись хоть немного контролировать свои эмоции! Мы общаемся уже почти два года, и все это время на твоём лице как на билборде огромными буквами написаны все твои мысли! Смотреть противно! Было бы правильней, если бы Оберон подержал тебя полгода не в академии, а при дворе — это лучшая школа лицемерия из всех возможных!

Они поднялись по ступенькам академии и вошли в холл.

— Зачем мне учиться лицемерить? — не поняла Юлиана.

— Хотя бы затем, чтобы уметь натягивать при виде меня на лицо жизнерадостную улыбку и не портить мне настроение своей унылой физиономией.

— Зачем? Вы ведь прекрасно знаете, как я к вам отношусь! — сворачивая в ведущий к их классу коридор, сказала девушка.

— Конечно, знаю! — согласился Карминский. — Ты относишься ко мне так же, как и все остальные! Но им хватает ума делать вид, что мое общество им по крайней мере не противно, а я от этого размякаю и хочу им делать гадости намного меньше. А еще я люблю, когда меня хвалят и восхищаются мною! Да, да! Я тщеславен! Так что учти это на будущее. И вообще, учись пользоваться человеческими слабостями! Не будь ты такой честной и прямолинейной дурой, за тобой давно бы таскалась свита почитателей, и ты бы наслаждалась пребыванием здесь. А вместо этого ты день и ночь корпишь над учебниками, с завистью глядя через окно как веселятся другие!

— Они не принимают меня в свое общество, — с горечью призналась Юлиана.

Карминский толкнул дверь в класс и бросил на стол свой объемный портфель.

— Потому что ты глупая! — открывая настежь окно, ответил он. Сквозняк принес с собой свежий запах весеннего утра и затрепыхал висевшие на окне занавески.

— По-другому нужно строить отношения с людьми! Запомни — все мы корыстны! Только одним нужны деньги, другим любовь, третьим признание, а четвертым — казаться лучше, чем они есть на самом деле. И все свои благие поступки люди совершают для того, чтобы получить взамен что-то важное для себя! Арифметика успеха проста: одному студенту помоги сдать зачет, другому — избежать отчисления, третьему — получить больничный лист или поблажку на экзамене, и все — ты университетский авторитет! И делай все это с легкостью и непринужденностью! Не с видом приносящей тапок собаки, а богини, из прихоти снисходящей до простых смертных.

— Но как я могу им в этом помочь? — недоуменно пробормотала Юлиана.

Она взяла из шкафа учебники и аккуратной стопочкой сложила их на парте. Старик беспомощно всплеснул руками и возвел глаза к небу.

— Боже! И из этого Оберон хочет сделать инкатора! — простонал он. — Пойми, недалекая моя, тебе не посмеет отказать ни один из преподавателей этой страны! Даже сейчас, когда ты полное ничтожество, все понимают, кем ты станешь. Знают, что в будущем их судьба будет во многом зависеть от тебя! Попробуй ради интереса потребовать у учителя математики поставить тебе «отлично» за семестр просто так! Увидишь, он даже не пикнет, расписываясь в твоей зачетке!

— Даже если я не знаю ее на «отлично»?

— Даже если ты не появишься ни на одном занятии!

Он подошел к парте, перебрал лежащие на ней книги и пренебрежительно швырнул их обратно на столешницу.

— Хлам! — безапелляционно заключил он. — Пустой, никому не нужный хлам, который ничему путному тебя не научит! Не понимаю, чем думают в министерстве образования, печатая эту глубоко узконаправленную чушь! Настолько забивают детям головы шелухой, что туда больше не может поместиться ни одна умная мысль!

Юлиана внутренне с ним согласилась.

— А чему тогда нужно учиться?

— Жизни, детка! Жизни! Радуйся, тебе очень повезло с учителем! Я научу тебя брать от нее все по максимуму! Научу общаться с людьми, а через них ты получишь все, что тебе нужно! По окончании наших занятий они будут повиноваться одному твоему взгляду и нести тебе желаемое на блюдечке с золотой каемочкой. Если, конечно, у тебя хватит ума применить на практике полученные от меня знания!

Он вытащил из портфеля несколько подготовленных для Юлианы конспектов и бросил их на стол.

— Почитаешь на досуге! Все, на этом теоретическая часть закончилась, а теперь топай в мою машину — поедем заниматься практикой!

При слове «практика» девушка приросла к полу. Ей живо вспомнилось ее первое выездное занятие, воспоминания о котором не давали ей спокойно спать все эти два года.

— К...куда? — пролепетала она.

Карминский смерил ее полным недовольства взглядом.

— Туда, куда ты не хочешь! Учиться брать на себя ответственность за все, что происходит с тобой, которой ты так упорно избегаешь! И раз ты не отвечаешь даже за собственную жизнь, то мне придется тебя учить на других. — Он закрыл портфель и знаком приказал ей следовать за собой. — Поедем в центральный суд. Сегодня там будет вынесен приговор по делу серийного убийцы. На его счету восемнадцать зверски забитых подростков. Думаю, ты слышала об этом в новостях.

Юлиана покраснела — телевизор она почти не включала и новостями не интересовалась. Ей было некогда.

По дороге Карминский ввел ее в курс дела.

— Убийца — явный психопат, убивал ради удовольствия, причем всячески растягивал его. Вина полностью доказана, улики — выше крыши. Но при этом выглядит как божий агнец. Яркий пример того, что внешность обманчива.

Они приехали в суд как раз перед концом перерыва. К ужасу девушки, Карминский помянул ее к судейскому столу и указал на место рядом с председателем.

— Садись! — велел он. — Сегодня ты будешь принимать решение жить подсудимому или умереть.

— Я?! — чуть не задохнулась от такого известия Юлиана. — Почему я?

— Пора учиться выносить приговоры.

Юлиана окинула взглядом гудящую в ожидании развязки толпу и поежилась. Неужели ей придется выступать перед всеми этими людьми? Во рту тут же пересохло от страха. Карминский ухмыльнулся и сел справа от нее.

— И что я должна буду сказать? — пролепетала она.

— Что сочтешь нужным. Я бы отправил его на эшафот, и чем скорее, тем лучше. Таких надо убивать на месте, чтобы не сбежали ненароком.

Девушку забила нервная дрожь. Судья ободряюще сжал под столом ее руку.

— Все мы когда-то начинали, — успокаивающе шепнул он и объявил о начале заседания.

Когда ввели подсудимого, Делайн ждал новый шок. Вместо матерого убийцы, которого она себе представляла, она увидела невысокого веснушчатого парнишку. По-детски трогательные черты лица, растрепанные темно-рыжие кудри и растерянный испуг в широко распахнутых глазах.

Подсудимому дали последнее слово. Слушая его, герцогиня неотрывно смотрела на его мать. Отчаяние этой женщины окатило Юлиану с головы до ног, поглотило все окружающие ее звуки, запахи, образы. На какое-то время она слилась с иступленно боявшейся лишиться своего единственного ребенка матерью, сама стала ею. Ощутила набрякшие, саднящие от непрерывных слез веки, боль в сорванных от криков голосовых связках, обездвиживающее бессилие во всем теле и стиснутое невыносимой болью сердце.

Судья что-то шептал ей, но она его не слышала и не видела: перед ее мысленным взором были лишь полные мольбы глаза ее ребенка. "Мама, спаси меня! Спаси!" — беззвучно заклинал он.

Карминский сильно сдавил ее пальцы и наваждение ушло, оставив после себя тяжелый тошнотворный осадок.

— Милорд, позвольте мне не участвовать в этом! — помертвевшими губами попросила Юлиана.

— Не устраивай сцен! — презрительно скривил губы инкатор. — Тебе нужно сказать лишь несколько слов. Это проще, чем прочитать стишок на детском утреннике!

— Я не смогу!

Судья молча разложил перед ней пачку фотографий изувеченных жертв обвиняемого. Герцогиня в полном шоке уставилась на превращенные в кровавое месиво лица жертв. Кошмар! Они словно в мясорубке побывали!

— Хорошо, — подозрительно быстро согласился Жнец. — Тогда я его объявлю умалишенным и отпущу. Прямо сейчас. Он полежит полгодика в психушке, а потом снова пойдет убивать.

Юлиана ахнула.

— Но почему вы хотите его отпустить?!

— Да потому, что одна истеричная девчонка никак не хочет брать на себя ответственность за принятие решений, и я не знаю, как иначе убедить ее это сделать! — прорычал он. — Поэтому, отпуская его, я надеюсь, что это за меня сделает десяток-другой новых жертв этого конопатого купидончика! Такой вариант тебе по душе?

— Не по душе, — опустила глаза Юлиана.

— Так повесь этого ублюдка, чтобы другим неповадно было!

И она это сделала. Собрала волю в кулак и ни разу не дрогнувшим голосом объявила приговор.

Спустя двадцать минут они уже ехали обратно в академию. Герцогиню всю трясло. Она только что убила одного человека и лишила смысла жизни другого. До вынесения приговора глаза несчастной матери были полны робкой надежды, а потом погасли, словно выключенные лампочки. В них осталась только пустота. Мертвая, безысходная, непоправимая... Но ведь родители убитых маньяком подростков испытывали то же самое! Значит, она сделала все правильно? Господи, неужели, это и есть правосудие?

Карминскому надоело сидеть молча.

— Ну что ж, с почином вас, инкатор Делайн! — сказал он. — До сих пор нервничаешь, да? Брось! В будущем приговоры станут для тебя повседневной рутинной, быстро привыкнешь.

— Помогите мне избежать такого будущего! — попросила Юлиана.

Инкатор ласково похлопал ее по руке.

— С радостью выполню твою просьбу, но сперва сделай для меня сущую безделицу... — Он склонился к уху девочки и доверительно прошептал: — Убей Оберона! Обещаю, я тебя тогда к инкатории на пушечный выстрел не подпущу, и даже шоколадку тебе куплю!

Юлиана молча отвернулась к окну.

— Согласись, — отодвигаясь от нее, продолжил Карминский, — его смерть немедленно решит большинство наших с тобой проблем! Тебе не придется проходить со мной через все круги ада, а мне не придется выдумывать какие бы еще сделать тебе пакости, чтобы ты убедила его выбрать тебе другое занятие!

— Даже вы не можете его в этом убедить, что говорить обо мне?

— Ничего, скоро истекнут два отведенных им на твое взросление года, и тогда наши практические занятия прибавят тебе убедительности! — оптимистично заключил Карминский. — Хотя до сих пор понять не могу, как можно так отчаянно отбрыкиваться от свалившегося на тебя счастья? У тебя просто мозгов не хватает, чтобы оценить какой потрясающий подарок сделал тебе Оберон, какую честь оказал!

— И что же он подарил мне кроме вашей кабалы? — апатично спросила Юлиана.

— Самый мощный наркотик в мире: право на вседозволенность! Я не променял бы его ни на что другое, даже если бы мне взамен вернули молодость!

Девушка оторвала взгляд от окна и с удивлением посмотрела на Жнеца. Впервые он говорил о чем-то с таким упоением.

— Мы с вами слишком разные! — сказала она. — Мне это не нужно.

По лицу Карминского пробежала странная, но весьма тревожащая улыбка. Такая бывает у мудреца, который наперед знает все поступки человека.

— Ошибаешься, девочка... Мы с тобой из одного теста, и скоро ты это поймешь...

Глава 13

В первую пятницу мая произошло чудо: одиночеству герцогини пришел конец — к ней подселили соседку. В тот вечер, получив от учителя очередную взбучку, Юлиана сидела перед разложенными на кровати справочниками, не зная с какого начать. Каждый из них вызывал у нее стойкое отвращение, а распухший от обилия информации мозг умолял об отдыхе. И тут в ее дверь кто-то постучал. Она слезла с кровати и пошла открывать, гадая, кто это решил заглянуть к ней в такое время. Уборщица приходила к ней по утрам, пока она была на занятиях, а других посетителей у нее не бывало.

Она распахнула дверь и увидела перед входом незнакомую девушку лет восемнадцати-девятнадцати. На ней был темно-розовый костюм, удивительно гармонизировавший с ее длинными русыми локонами, а в руках она держала большой серый чемодан. Незнакомка приветливо улыбнулась ей и поставила вещи возле входа.

— Здравствуй! Я Виктория Блэр, — жизнерадостно представилась она. — Меня сегодня перевели сюда из вейденского университета и сказали, что я буду жить с тобой. Ты позволишь мне пройти?

Юлиана так опешила, что даже не сразу смогла посторониться. Просто стояла и молча любовалась на прилетевшую к ней из Вейдена фею. К ней кого-то подселили? Невероятно! Ей вдруг захотелось запрыгать от счастья и повиснуть на шее своей соседки. Разумеется, она этого не сделала, а просто шагнула вглубь прихожей, открывая проход.

Ее молчание и заминка смутили Викторию. Казалось, что ей здесь не рады, и она расстроено вспомнила свою трехместную комнатку в вейденском общежитии и оставшихся там подружек, с которыми она прекрасно ладила. Она втащила чемодан в комнату и оглядела дорожную, но без излишеств обстановку, совсем не похожую на ту, к которой она привыкла за время учебы.

— У вас тут все живут в таких королевских условиях? — удивилась она.

— Нет, только я, — покраснела хозяйка домика.

— А почему?

Вместо ответа Юлиана извиняюще посмотрела на свой висевший у входа на плечиках мундир.

Виктория растерялась. По одежде и слишком роскошным для студентки условиям проживания она поняла, что ее поселили с ученицей Карминского. Уж о чем, о чем, а об этой живой достопримечательности академии даже она была наслышана, и жить бок о бок с будущей инкаторшей совсем не хотела.

На ее душе заскреблись кошки, и она подумала, насколько же непредсказуема жизнь. Еще вчера утром она была одной из лучших студенток Вейдена и наслаждалась своим пребыванием в нем, а вечером отец сообщил, что нашел ей бюджетное место в Эстевийском госуниверситете и велел срочно собирать вещи.

Ее робкие просьбы позволить ей окончить второй курс на прежнем месте не были услышаны, поэтому в полвосьмого утра ей пришлось распрощаться со своими горячо любимыми сокурсницами и учителями и отправиться сюда.

— Наверное, охранник что-то напутал, показывая водителю дорогу, — пробормотала Виктория. — Сейчас схожу к коменданту общежития и попрошу это исправить.

Юлиану охватила паника. Даже если появление Виктории в ее доме и было случайностью, она не хотела, чтобы та переселялась в другое место.

— Пожалуйста, не уходи! — взмолилась она. — Комендантша все равно уже уехала и вернется только в понедельник утром. Остайся здесь! Места в доме более, чем достаточно для двоих, и я не буду тебе сильно мешать!

В голосе юной герцогини было столько отчаянья, что Блэр поставила только что поднятый чемодан обратно на пол.

— Это я буду тебя стеснять, а не ты меня, — возразила она, думая о том, что хозяйка домика права и, по крайней мере до понедельника, другого жилья у нее не будет.

— Не будешь! — покачала головой готовая расплакаться от радости Юлиана. — Честно говоря, я безумно рада, что тебя поселили со мной!

Виктория еще раз осмотрелась. Кровать в комнате была одна, но помимо нее был еще большой раскладной диван, на котором можно было очень даже комфортно выспаться. Если только ей здесь заснет. Но ничего, пару дней можно перетерпеть.

— Куда можно поставить чемодан? — скованно спросила она.

Юлиана тоже завертела головой.

— Сейчас придумаем!

Минут двадцать девушки провели в хлопотах, обустроивая Victорию на новом месте. Когда ее вещи были разложены по шкафам и тумбочкам, они пошли на кухню пить чай. Хозяйка расстаралась, в итоге стол ломился от всевозможного печенья и конфет, а в воздухе витал бодрящий аромат нарезанного кружочками лимона.

Постепенно взаимная неловкость соседок растворилась, и Блэр стала получать удовольствие от общения с герцогиней, которая оказалась совсем не такой, как про нее говорили. Они проболтали полночи, обсуждая все подряд, начиная от учебы и кончая бродячими собаками. Когда тема коснулась кошек, Виктория тут же спрыгнула с дивана и под села на кровать к уже подружке, показывая ей на мобильнике фотографии своего любимого темно-рыжего питомца.

В субботу утром Юлиана проснулась гораздо позже обычного с восхитительнейшим ощущением праздника на душе, который так и остался с ней на все выходные. Впервые за полтора года она позволила себе забыть о несделанных уроках и провела оба дня, наслаждаясь обществом своей общительной соседки.

В понедельник после занятий к ним зашла комендантша общежития. Она извинилась перед Юлианой за доставленные ей временные неудобства и предложила Виктории перебраться в общежитие. Но девушки дружно запротестовали против переезда, и та ушла, оставив герцогине самой решать, как долго будет жить у нее ее самое дорогое сокровище.

С этого дня Юлиана стала чувствовать себя дома спокойно и уверенно, как приплывший в гавань корабль, хотя раньше она тот же самый дом воспринимала как место своего пятилетнего заточения. Эти благие перемены не замедлили сказаться на ее внешности и поведении: она расцвела, посвежела, стала часто, порой даже без причины улыбаться, и даже учеба стала даваться ей легче.

Их с Викторией взгляды на жизнь сходились почти во всем, они подходили друг другу просто идеально, и за всю следующую неделю у них не появилось ни одного повода хоть в чем-то упрекнуть друг друга.

В воскресенье Тори предложила Юлиане пойти вместе погулять в парке. Та с радостью согласилась, хотя раньше старалась бывать на улице не дольше, чем требовалось для перехода из одного здания в другое. Только так можно было избежать косых взглядов и обсуждений за своей спиной. Но с появлением подружки такие вещи перестали иметь для нее значение, и это приводило герцогиню в восторг. Она даже позволила себе снять ставшую ей уже привычной форму, чтобы быть похожей на боготворимую ею Victорию хотя бы в одежде.

Надев нежно-зеленое атласное платье, она подошла к зеркалу, блаженствуя от прикосновения к коже гладкой прохладной материи, а не жесткого сукна.

— Ух ты! — раздался восхищенный голос ее соседки, давно и так и сяк вертевшейся у него. На ней было лимонное, украшенное белыми вставками платье, и Тори старалась рассмотреть себя в нем во всех ракурсах. — Как это ты посмела снять свой мундир, признавайся? Или у тебя сегодня урок маскировки, и ты решила слиться с парковой зеленью?

— Хоть какая-то гарантия, что меня никто не заметит, — отшутилась Юлиана, отмечая про себя, насколько элегантно смотрится Виктория в любом наряде и с любой прической. Сегодня ее блестящие волосы были распущены и ниспадали с плеч струящимися шелковыми прядями, делая ее похожей на лесную нимфу.

— До чего же ты совершенна! — зачарованно проговорила Делайн, даже не пытаясь скрыть своего преклонения перед подругой. — Прямо хочется создать фан-клуб и обклеить всю комнату плакатами с твоим изображением! Ты самое красивое создание из всех, кого я видела! Просто идеал женской красоты!

— Ты серьезно? — растерянно улыбнулась Блэр. — А можно спросить, ты себя когда-нибудь в зеркале видела?

— И сейчас вижу, — ответила ее собеседница, озабоченно вглядываясь в свое отражение. — А что? Что-то не так?

— Вот в том-то вся твоя беда! Ты используешь зеркало только для того, чтобы уложить волосы или убедиться в том, что одежда в порядке. А на себя как на женщину ты хоть раз смотрела?

— Вроде, да... — смутилась Юлиана.

— И какой же ты себя там видела? — не отставала от нее подруга.

— Не знаю! Обычной. Не такой, как ты... Я не слишком люблю зеркала: они всякий раз напоминают мне о моих бесчисленных недостатках!

— Воображаемых, между прочим! — строго сказала Виктория.

— Они не воображаемые! — расстроено ответила герцогиня. — Посмотри на себя и на меня! Я уродина по сравнению с тобой!

— Ты?! Ты?

Тори, не выдержав, громко расхохоталась и бухнулась на кровать. Юлиана терпеливо ждала, когда она успокоится.

— Ты не уродина! — отсмеявшись, сказала Блэр. — Ты просто безумно закомплексованная дуручка, не осознающая всей уникальности своей внешности!

— Ты издеваешься надо мной, или и правда считаешь, что я не безнадежна?

Прозвучавшая в голосе Юлианы робкая, густо смешанная с озабоченностью надежда, снова рассмешила ее подругу.

— Да ты просто ходячее учебное пособие для меня! — прыснула она. — Теперь я понимаю, почему меня к тебе подсадили: чтобы я подняла твою самооценку! Пойми, глупая, сравнивать меня и тебя — это все равно, что сравнивать баобаб с осинкой! У меня красота простушки-крестьянки, а ты — олицетворение женственности и элегантности. Мне не дано и сотой доли твоего пленительного изящества, твоей аристократической недостижимости. Да я бы все на свете отдала, чтобы быть хоть немного похожей на тебя!

Она внимательно всмотрелась в смятенное личико Юлианы и поняла, что та не верит ни единому ее слову.

— А вот тебе нужна помощь квалифицированного психолога, чтобы избавиться от неизвестно кем привитых комплексов, — заключила она. — И так как я на него учусь, то можешь считать, что тебе крупно повезло. Через пару месяцев ты будешь полностью уверена в своей абсолютной неотразимости и безграничном очаровании! Не бойся, дорого за свои уроки я не возьму. Просто будешь решать мне контрольные до самого выпуска!

— Если ты сможешь мне хоть на процент полюбить себя, я буду до конца учебы делать за тебя все твои домашние задания! — торжественно поклялась Делайн.

Она подошла вплотную к зеркалу, намереваясь рассмотреть, что такого уникального увидела в ней Тори, но ей в глаза бросились лишь собственные, едва доходившие до скул темные волосы, разительно отличающиеся от волос ее кумира.

— Они ужасны! — проныла она. — Я похожа на ворону!

— Средоточие комплексов! — зевнув, поставила диагноз Тори.

Юлиана отошла от нервировавшего ее зеркала и села на застеленную сиреневым льняным покрывалом кровать.

— Хорошо, допустим у меня действительно комплексы, и я правда так красива, как ты говоришь. Тогда почему на меня никто не смотрит? У всех моих сокурсниц есть, или хотя бы были парни, а у меня — никогда!

Виктория перестала копаться в своей шкатулке с украшениями.

— А вот в этом нет ничего удивительного, — невозмутимо ответила она. — Этому есть несколько простых объяснений. Во-первых — сама себя не полюбишь — никто тебя не полюбит! Во-вторых — тебя попросту боятся. Я сама была в шоке, когда узнала, что буду жить с будущим инкатором. Хотела бежать валяться в ногах у комендантши, умоляя ее подыскать мне другое жилище несмотря на то, что твои апартаменты здесь самые шикарные. А чего стоил твой первый взгляд, когда я сообщила тебе, что нас решили поселить вместе! Ты обдала меня таким ледяным высокомерием, что мне тут же захотелось сбежать из твоего зимнего царства!

— Серьезно? — изумилась Юлиана.

Подруга защелкнула на руке браслет и кивнула.

— Тогда ты — никудышный психолог, раз не можешь отличить высокомерия от немного восторга! — фыркнула герцогиня.

— Это я потом научилась различать твои эмоции, а сперва мне было с тобой очень не по себе! — Виктория отложила в сторону коробку с бижутерией и посерьезнела. — Может, я сейчас стану говорить странные вещи, но я так чувствую, поэтому не смейся. От тебя идет какая-то особая аура, очень мощная, — тщательно подбирая слова, медленно проговорила она. — Чем дольше я общаюсь с тобой, тем мне комфортней в твоём присутствии. Это даже не комфорт, а какая-то эйфория, что ли... Но, когда ты не испытываешь к человеку симпатии, твой взгляд пронизывает до костей, как холодный порыв ветра. Для инкатора, конечно, самое то, но любой здравомыслящий человек предпочтет держаться от тебя подальше. Ведь он не знает, что все это только маска ранимой одиночки!

— Неужели со стороны я настолько жалкое существо? — ужаснулась Юлиана.

— Со стороны ты кажешься одиноким волком, который слишком хорош для того, чтобы жить в стае, — успокоила ее Тори. — С одной стороны это круто, а с другой сильно отпугивает парней — ведь им нужны слабые беззащитные девочки, рядом с которыми они могут почувствовать себя могучими благородными рыцарями! А кем они могут чувствовать себя рядом с тобой — лучшей ученицей академии, да к тому же без пяти минут инкатором? Ущербными слабаками и неудачниками! Ну, сама подумай, кому это может понравиться?

— И как мне это изменить? — спросила Юлиана. — Или это безнадежно?

— Безвыходных ситуаций не бывает! — уверенно заявила Тори. — У тебя есть целых два варианта. Один из них — опуститься до уровня большинства. Хотя мне весьма сомнительно, что ты сможешь получить удовольствие накачиваясь дешевым пойлом в курящей и матерящейся компании!

— Это да... — признала Юлиана. — А второй вариант какой?

— Натянуть на волка — то есть на тебя — овечью шкуру! Сейчас мы с тобой пойдем в парк проводить наше первое практическое занятие. Сегодня там будет гулять целая уйма учебных пособий! Ты готова?

Герцогиня представила, как цепляется к прогуливающимся по аллеям парням и покраснела.

— Не уверена...

Виктория брызнулась пахнущими акацией духами и потянула за собой в нерешительности топтавшуюся возле выхода подругу.

— Запомни главное — они боятся тебе куда больше, чем ты их! — утешила она ее.

— А вот это вряд ли! — позволила себе не согласиться с ней Юлиана.

Они вышли на улицу. Стоял теплый солнечный денек, какие были не редкостью в конце мая, и подружки пошли по дорожке, наслаждаясь шелестом листвы и видом радующей глаз яркой зелени. Временами налетал ветерок и обдавал их пленительным чувством легкости и свободы.

Облюбовав стоявшую особняком скамейку, девушки устроились на ней и с упоением стали строить планы грядущих совместных развлечений. Их разговор то и дело прерывался взрывами смеха. Еще никогда в жизни Юлиана не чувствовала себя так непринужденно. Наконец-то у нее здесь появился близкий человек, с которым можно было говорить на любую тему, не боясь насмешек и непонимания. Мимо них неторопливо прошли два юноши с дипломатического факультета академии, и Блэр отпустила им вслед очередное уморительное замечание. Девушки расхохотались. Парни притормозили и уставились на них.

Тори легонько подтолкнула подружку локтем в бок.

— Разве этот черноволосый не красавчик? — довольно громко спросила она.

Названный красавчиком парень стал с интересом разглядывать хохотушек. Узнав в одной из них ученицу Карминского, он так удивился, что замер с приоткрытым ртом.

— Смотри, а ты ему понравилась! — шепнула Делайн подруга. — Видишь, как он на тебя пялится? Быстро улыбнись ему!

Юлиана попыталась выдавить из себя улыбку, но только конфузливо хихикнула и быстро отвернулась. Парень тоже смутился и торопливо ушел.

Ни одна из наук не давалась герцогине с таким трудом.

— Я чувствую себя полной дурой! — призналась она.

— Ничего, это скоро пройдет! — заверила ее Блэр. — Ты, конечно, случай тяжелый, к тому же наученный разговаривать с людьми с позиции силы. Но сейчас ты должна забыть о своем командирском будущем и делать все наоборот! Смотри, возле фонтана стоит милый рыжеволосый паренек, похожий на херувимчика... Видишь?

— Да, — с опаской ответила Юлиана.

— Прекрасно! Он учится на юриста, и у вас много предметов пересекается, верно?

— Да.

— Отлично! Сейчас ты подойдешь к нему и попросишь помощи в решении какой-нибудь правовой задачки. Сама легко придумаешь какой. А когда он начнет тебе ее объяснять, то ты, как бы невзначай, начни восхищаться его интеллектом. Можешь немного поругать себя за то, что такое элементарное решение сразу не пришло к тебе в голову. Ясно?

— Я бы с радостью, — со смехом ответила герцогиня, — но он в учебе дуб дубом! Это знают все, кто давно здесь учится. Его здесь держат только из уважения к его занимающему высокий пост отцу.

— Да... Такой вариант нам не подходит! — согласилась Тори, продолжая сосредоточенно осматривать окрестности. Ее взгляд быстро нашел для своей ученицы новый объект, и она сжала ладонь Юлианы, обращая ее внимание на двух сидевших на траве под деревом парней. — Иди к ним и попроси разрешить наш с тобой спор.

— Какой?

— Да какая разница какой? Приведи их к нам, а тему я сама придумаю! Вперед!

— Хорошо! Сейчас приведу! — пытаюсь придать бодрости своему неуверенному голосу отозвалась Делайн и пошла в указанном ей направлении. Но и это задание своей наставницы

она провалила: заметив, что юная инкаторша направляется в их сторону, парни встали из-под дерева и спешно удалились. Юлиана только виновато развела руками и пошла обратно.

— Снова неудача! — присаживаясь рядом с Тори, нервно усмехнулась она.

Та поманила ее к себе пальцем и что-то зашептала ей на ухо. Целиком захваченная этой необычной для нее игрой, герцогиня залилась звонким смехом.

Как назло, в это время по параллельной аллее проходил Карминский. Он был не в духе, и чужой смех разозлил его. Он повернулся в сторону его источника, чтобы узнать кому это так весело, и с изумлением узнал в хохочущей девушке свою ученицу, которую никогда даже улыбающейся не видел. Инкатор с неодобрением посмотрел на ее очаровательную соседку.

Ни Юлиана, ни Виктория и понятия не имели, что их поселили вместе не случайно, а по приказу короля, сильно озабоченного душевным надломом своей воспитанницы. По его приказу психологи всех университетов, имеющих те же факультеты, что и Эстевийский, протестировали своих студенток, чтобы подобрать наиболее подходящую ей в наперсницы кандидатуру. Выбор остановили на активистке Виктории Блэр, которая была душой Вейденского университета.

Глядя на веселившихся девушек, Карминский с досадой признал, что затея Астарота увенчалась успехом, и так планомерно загоняемая в депрессию Юлиана воспряла духом. Он мысленно пожелал своему монарху как можно скорее отправиться в ад и направился к студентам.

Заметив приближающегося к ним инкатора, Юлиана немедленно согнала с губ улыбку и поспешно встала. Ее охватила сильная неловкость, словно он застал их за чем-то постыдным. Виктория последовала ее примеру и тоже поднялась с места.

Жнец разглядывал их со смесью любопытства и неприятия, словно заспиртованных в банке уродцев. Он царапнул колючим взглядом порозовевшее от свежего воздуха и смеха лицо своей ученицы, ее непривычный наряд, а после перевел внимание на ее подругу. Та встретила его тяжелый взгляд спокойно и уверенно.

— Вижу, у тебя появилась подруга? — без приветствия спросил он Юлиану.

— Да. Нас поселили вместе, — ответила она ему, ощущая как под ложечкой зарождается и ползет по телу волна сильнейшего беспокойства за подругу.

— Что ж, я рад за тебя! А то все одна, да одна! Осталось только познакомиться с твоей новой соседкой. Как вас зовут, юная леди? Сам не представляюсь, так как уверен, что мое имя вам и без того известно.

— Меня зовут Виктория Блэр, милорд! — назвала себя Тори. Отсутствие в ее голосе должного почтения к его персоне снова неприятно резануло самолюбие Карминского. Такая дружба вряд ли пойдет на пользу его воспитаннице.

— Что ж, не буду мешать вам наслаждаться выходным днем, — сказал он. — До понедельника, Юлиана!

Едва заметно кивнув им на прощание, Жнец ушел. Когда его сухощавая фигура удалась на почтительное расстояние, Виктория шумно выдохнула.

— Брр! До чего же неприятный и пугающий тип! — передернулась она. — Это и есть твой учитель?

— К несчастью — да. Я так боюсь его!

— Ничего удивительного! Он на стервятника похож!

Блэр потеряла друг об дружку похолодевшие пальцы и пожаловалась:

— Кажется, теперь я знаю откуда пошло выражение "кровь стынет в жилах"! И понимаю, почему от тебя здесь все шарахаются и почему ты такая мрачная и нелюдимая, — пробормотала она. — Я бы, наверное, с ума сошла, если бы мне пришлось видеться с ним каждый день! Искренне сочувствую: в твоём возрасте нервы и так ни к черту из-за гормональных перестроек, а тут еще это чудовище постоянно на них действует! Я просто обязана взяться за восстановление

твоей психики! Поэтому сегодня ты идешь со мной в одно потрясающее, запретное для других место!

— В какое? — сгорая от любопытства, спросила Юлиана.

— Не скажу! — загадочно улыбнулась подруга. — Вечером сама все узнаешь.

Глава 14

Остаток дня Делайн провела как на иголках. Без двадцати восемь они вышли из дома и пошли в старинный трехэтажный корпус студенческого общежития. Спустились в подвал, прошли через длинный обшарпанный коридор до самого конца и остановились у расписанной баллончиками с краской двери, за которой слышалась живая музыка.

— Тори, что здесь? Какая-то вечеринка? — спросила Юлиана.

— Нет. Гораздо лучше! — ответила та и забарабанила в дверь условленным стуком. — Это местная музыкальная группа. Я неплохо пою, и они пригласили меня к себе в качестве новой вокалистки.

Им сразу отворили, впуская в прокуренное и заваленное хламом помещение. Глаза Юлианы с непривычки защипало от табачного дыма. Проморгавшись, она огляделась. По стенам комнаты были развешаны полки с различным инвентарем, на полу стояли ящики с инструментами, металлическими тросами и мотками веревок. В одном из углов торчали разноцветными древками несколько лопат, а рядом с ними стоял небольшой раздолбанный диванчик. На нем в обнимку с девушкой сидел смутно знакомый Юлиане парень. Все свободное от хлама пространство занимали музыкальные инструменты: синтезатор, барабаны и блестящая черным лаком электрогитара, слишком новая и модная для царившей вокруг разрухи. За синтезатором сидела светловолосая девушка с почти мальчишеской стрижкой и что-то наигрывала.

— Привет, Тори, — поздоровалась открывшая им дверь полненькая мулатка, сквозь дым вглядываясь в ее спутницу. — Кого это ты с собой привела? — В следующую секунду ее глаза расширились от негодования. — Ты притащила сюда инкаторшу? — возмутилась она. — Совсем чокнулась? Хочешь, чтобы у всех нас были крупные неприятности? Из-за тебя Майкл враз вылетит с работы, а нас вышвырнут отсюда! Где мы тогда будем репетировать?

Ее громкий голос привлек к себе всеобщее внимание. Юлиана оказалась в перекрестье враждебных взглядов.

— Мне не стоило сюда приходить, — пробормотала она и рванулась, чтоб уйти. Виктория ее удержала.

— Спокойно, Нео! — сказала она мулатке и потащила герцогиню в глубину комнаты. — И вы все тоже успокойтесь. Это моя лучшая подруга, и я головой клянусь, что никаких неприятностей из-за нее у вас не будет!

Нео прилепила на грязный кирпич стены потерявшую вкус жвачку и потребовала.

— Пусть она нам это пообещает, а не ты!

— Да ладно, Нео, что ты завелась? Все будет нормально! — примирительно заговорил парень с дивана, в котором Юлиана только теперь узнала университетского разнорабочего, Майкла Станли.

— Зачем ты ее с собой приволокла, Тори? — поинтересовалась продолжавшая бренчать на синтезаторе девушка. — Не боишься, что мы испортим эту пай-девочку?

— Ее давно пора испортить. Слишком уж она безупречна! — усмехнулась та.

— Это мы можем, это мы запросто! — затягиваясь сигаретой, хмыкнула клавишница.

Она подошла к герцогине и протянула ей руку с длинными ярко-синими ногтями.

— Меня зовут Валерия, — представилась она. — Друзья зовут меня Вал. А ты Юлиана Делайн, да?

Нео одернула топорщившуюся на своей объемной груди ярко-желтую футболку и пробурчала:

— А то не видно! Будто в универе есть еще кто-то похожий на нее!

Блондинка скорчила недовольную гримаску.

— Нео, угомонись! То, что тебе завтра пересдавать зачет, не дает тебе права срываться на всех подряд. Иди лучше барабаны поколотить!

Сидевшая в объятиях Майкла девушка сняла со своего плеча его руку и тоже подошла к гостям.

— Я Лин, — забрасывая за спину собранные в конский хвост каштановые волосы, сказала она. — А это мой друг Майкл, он работает здесь и дает нам ключи от подвала, чтобы мы могли репетировать. Он же и приволок сюда все эти инструменты.

— Почему вы репетируете здесь? — удивилась Юлиана. — Неужели руководство университета не может выделить вам нормальное помещение?

Ее замечание вызвало всеобщий смех.

— Как нам сказал декан, наша музыка не подходит для элитного учебного заведения, — пояснила ей Лин. — Так что мы не слишком себя афишируем и поем только для друзей. Ты ведь никому не выдашь наш маленький секрет?

— Разумеется, нет! — заверила ее Юлиана. — А мне можно будет послушать ваши песни?

Вал взяла с одной из полок початую банку колы и вернулась к синтезатору.

— Слушай, коли пришла! — разрешила она.

— Она у них вроде главной, — шепнула подруге Виктория, усаживая ее рядом с собой на деревянный ящик. — Если она тебя примет, то все примут.

Юлиане повезло — Вал оказалась к ней благосклонна. Их посиделки затянулись до двух часов ночи, а потом Тори чуть стала разгонять всех спать. Совершенно очарованная этой компанией, Делайн стала упрашивать ее остаться здесь еще хотя бы на полчаса.

— Хочешь, чтобы твой коршун, глядя на твои красные глаза, заинтересовался, где ты шастаешь по ночам? — сердито спросила ее Виктория. — Так он сделает эту посиделку первой и последней!

Сраженная этим доводом, ученица инкатора тут же стала прощаться со своими новыми знакомыми. Ее сердце пело, спать не хотелось абсолютно, зато очень хотелось прыгать и радостно вопить. Едва они оказались на улице, Юлиана подняла вверх сияющее блаженством лицо, а потом заключила Блэр в объятия.

— Тори, спасибо что привела меня туда! Я твоя должница навсегда! — с восторгом сказала она. — Ты ангел, посланный с небес для того, чтобы делать меня счастливой!

— Как же мало тебе надо для счастья, — усмехнулась та. — Кстати, мои родители приглашают тебя провести летние каникулы у нас дома. Как ты, согласна?

Если бы Юлиане сейчас подарили весь мир, то и тогда бы она не испытала такого всепоглощающего счастья, как от этого известия.

— Это лучшее предложение в моей жизни! — очарованно прошептала она. — А я не слишком вас стесню?

— Глупости, чем ты можешь нас стеснить? Дом у нас не слишком большой, но ведь и нам с тобой не привыкать жить в одной комнате, правда? Зато у нас рядом есть кристально чистое озеро и потрясающе красивый лес. А в городе множество клубов и целая толпа моих друзей, с которыми мы там будем тусоваться! Да, чуть не забыла добавить, что никто из них не будет знать о твоей специальности, и ты сможешь делать все, что только пожелаешь!

— Где я должна подписаться кровью? — заулыбалась Юлиана. — Судя по количеству обещаемых удовольствий, я должна тебе как минимум душу!

— Тебе придется выбрать себе псевдоним. Лучше, созвучный с именем. Например, Дамиана.

— Ах, Тори, я согласна на любое имя, какое ты мне выберешь! Только бы король и отец разрешили мне погостить у тебя!

Они медленно пошли к своему дому по залитой лунным светом плиточной дорожке.

— Не думаю, что с этим возникнет проблема, — уверенно проговорила Виктория. — Судя по твоим рассказам, твоему отцу плевать, где ты и с кем ты, а король старается свести к минимуму твое общение с влюбившимся в тебя принцем.

— Я не говорила, что Энтони в меня влюблен! — возразила Юлиана. — Он просто, просто... любит бывать в моем обществе, а Его величество почему-то ревнует его ко мне. Во всяком случае, мне так показалось.

— Вот и отлично! Значит, возражать против наших планов он не станет!

Блэр не ошиблась. Король не только не возражал, но даже пообещал перевести отцу Виктории более, чем приличную сумму на содержание своей воспитанницы. С этого дня Юлиана завела себе календарик, в котором зачеркивала оставшиеся до каникул дни.

Трижды в неделю они с Тори ходили в подвал на репетиции. Сначала участницы группы терпели герцогиню как довесок к прекрасно певшей Виктории, но уже через две недели их настороженность к ней сменилось полным доверием. Как ни странно, этому в немалой степени поспособствовала плохая успеваемость Валерии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.